

Ирина Критская

Планета Любви

Ирина Критская
Планета Любви

«Автор»

2026

Критская И.

Планета Любви / И. Критская — «Автор», 2026

Земля умирает. На ее выжженной смертью поверхности практически нет живого, и только под серым защитным колпаком живут люди. Но это даже не люди, это фактически роботы, их задача искать планеты, на которые можно будет убежать от гибели...Но все не так просто. Есть и еще выход. И о нем вы узнаете, прочитав фантастический рассказ о любви

© Критская И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	12
Глава 6	14
Глава 7	15
Глава 8	17
Глава 9	19
Глава 10	21
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	27
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	33
Глава 14	35
Глава 15	37
Глава 16	39
Глава 17	41
Глава 18	43
Глава 19	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Планета Любви

Глава 1

Магнитная буря опять наделала дел, в последнее время они обрушивались на землю все чаще и были все интенсивнее. И несмотря на мощный защитный колпак, окруживший планету, лучи проникали, наводили бедлам в электронике, комкали магнитные поля, да и настроение...

Вирин стала чувствовать магнитные бури. Не то что они нарушали ее самочувствие, нет, здоровье у нее было стальное, в тридцать с современной медициной люди были юными, как подростки... А вот настроение... Несмотря на обязательную еженедельную психологическую коррекцию у психобота и ежемесячную в клинике, Вирин страдала. Очередной наплыв прямо прижимал ее, да так, как будто ей на грудь укладывали свинцовую пластину. Вирин глотала диски, пыталась дышать озорием - ничего. Все это не помогало, хоть и стоило столько хрусталина, что покупать это с каждым днем становилось все недоступнее. Медсин выписывал все новые и новые средства, но пластина давила. Вирин все раздражало, она швыряла посуду, и если бы та билась, то мелкие осколки усеивали бы их дом, как галька морской берег. Но посуда не билась. И это бесило еще больше.

- Энг! Ты опять копаешься, мне ждать тебя некогда, у меня пробный старт. Кофе остыл, кинешь посыл заново. И пластик скинь, чтобы я не приходила в хлев, как вчера.

Энг что-то пробурчал сверху, брякнуло звонко - видимо он опять ткнул не туда, и кровать вмазалась в стену со всей дури. То ли он стал таким тупым, а Вирин не заметила, то ли она придиралась - чертовы магнитные бури очень портили характер. Допивая на ходу крепкий, как деготь кофе, Вирин, глянув в зеркало махнула щеткой по волосам, длинные волосы взметнулись, сплелись в жгут, уложились на затылке в узел, и ей осталось только воткнуть золотые шпильки. Вирин предвидела очередное нытье Нара - тот заставлял ее остричь волосы, уже давно все космеи ходили с короткими стрижками. Это было удобно и логично. Но Вирин упиралась. Ей нравилось после рабочего дня распускать свои шелковые волны по плечам. Ей казалось, что эти волны защищают ее от чего-то... Хранят...

Это было правдой, потому что у нее в тайном чемоданчике, по старинному снабженном смешным замочком хранилась фотография. Как она осталась у нее - известно только небу - на почти потерявшей цвет бумаге улыбалась милая женщина с ласковыми глазами. И вот у нее были такие же волны русых волос. Они падали на спину золотистым потоком, а на голове, смешно покосившись на одно ухо красовалась странная штука. Что-то типа шляпки без дна. Но только из этих самых....

Вирин все время забывала название этого. Когда-то здесь, на земле они росли повсюду. Разные - белые с желтыми серединками, розовые, синие, как далекое и пустое небо. Их срывали, ставили в сосуды, украшали ими дома и могилы. И делали вот это - то что у смеющейся женщины было на голове. Она, видимо, любила белые с желтой серединкой. Вирин тоже они нравились.

Платформа уже ждала Вирин у входа. Легкая, сверкающая, серебристо-хрустальная. Она копила на нее год - и теперь обожала. Чуть подняв руку Вирин пошевелила пальцами, платформа сделала круг, плавно опустилась, если бы могла, то точно подхватила бы хозяйку под белы ноженьки (откуда у Вирин это выражение в голове она не знала, да и не заморачивалась, мало что всплывает в мозгах - космей готовили жестко, на химии и технологиях, подсознание иногда дурило), но подхватить ей было не дано, она просто остановилась у ног Вирин, легонько завибрировав от нетерпения. Вирин наступила на серебристо-прозрачный диск, снизу замерцало, и абсолютно прозрачный полог поднялся, окутал ее нежным, пахнущим океаном обла-

ком - платформа поднялась. Лететь было недалеко, пару десятков километров - время полета не ощущалось - вот она поднялась, и вот уже опустилась.

- Вири...Ну, наконец. Жду тебя уж десять минут, Нар последние волосенки вырвал от нетерпения, прямо подпрыгивает на месте. А до полета еще три часа. Ух ты...Красотка...

Демей всегда ждал ее у входа в Космон. Он обожал шархнуть с ней чайку с пироженкой перед входом в здание. Чай у них в краффе был потрясающим, дома такой не сделаешь, а пироженки таяли во рту. Демей всегда сам их выбирал, редко повторялся, и этот ритуал был их маленькой тайной. Вирин тоже любила этот маленький кусочек времени - Демей как-то действовал на ее психику - успокаивал, придавал бодрости и желания жить. Она бы вообще бросила к чертям Энга, и позвала бы к себе жить этого бородатого толстячка...Но Демей имел женщину, Эльма была злой и жесткой, так просто бы не отпустила - а вести с ней борьбу Вирин не хотела. Можно было бы, конечно, у них это позволялось - женщина могла бороться за мужчину, даже убить. Но это бы привело к сложностям, Нар бы приостановил ее участие в полетах, взял бы на ее место другую космею... Короче, оно того не стоило. Вот - краффа, пироженка, чай. Ласковая улыбка, теплые руки, серые глаза. Для здоровья. И все. И хватит.

Демей уже подзывал ее - столик был накрыт. Сегодня его выбором были миндальные лепестки с шоколадным суфле, каким-то фруктовым муссом и хрустящими карамельными стебельками. Они таяли во рту, чай моментально привел Вирин в идеально четкое состояние - жизнь продолжалась, и даже баллончик с озорием за ненадобностью остался в сумочке нетронутым.

- Ты, Вири, цены себе не знаешь. Я красивее тебя женщины не знал. Статуэтка. Энг счастливчик, я тоже, кстати. Любоваться хоть могу...

Вирин пила чай, купалась в ласке серых глаз, и все в ее мире было абсолютно прекрасным...

Глава 2

Вирин не ожидала сейчас этого, да и некогда ей было - пробный полет не шутки. Космей было пять в этом проекте, Эльма одна из них - но она была третьей, хоть и лезла из кожи, чтобы стать хотя бы второй. Второй была Мати - мощная, как шкаф, желтая, узкоглазая такая, что вообще было не понятно, как она что-то видит. Но Нар очень ценил ее - Мати на роль второй подходила идеально - послушная, четкая, не очень умная, но дисциплинированная, как робот. У Эльмы не было той четкости, она была излишне нервна, да и злобы в ней было хоть отбавляй. Нар, наверное, отодвинул бы ее и подальше, но Эльма имела образование Медсинии - и медсин из нее был неплохой. Вирин исподлобья глянула на прыгающую, как теннисный мяч Эльму, улыбнулась, отметив, что у нее трясутся полноватые щеки, буркнула

- Нет. Некогда бои тут устраивать. Проходи, третья, я имею мужчину, мне ни к чему твой Демей.

Эльма хотела что-то сказать, она явно поймала насмешливый взгляд Вирин на своем лице, подошла вплотную, зашипела.

- Если у тебя морда смазливая, первая, так это не значит, что так будет всегда. Ладно. После полета встретимся еще...

Вирин вздохнула, обошла по дуге совсем взбеленившуюся третью, пошла по стеклянной дорожке к воротам Космона. А Эльма осталась... Сегодня брали только первую и вторую, третья оставалась на земле.

В зеркале, которое возникало ровно тогда, когда космеи начинали натягивать костюмы, отражались две чудные женщины. Вирин и Мати уже постаскивали с себя все, стояли обнаженные, и только плотные, белоснежные колпаки, как нашлапки свисали с их голов. В таком виде они напоминали что-то, похожее на грибы - на Земле их давно не было, а вот в старых книгах Вирин видела такое - тонкие ножки, потом юбочки, а потом белые шляпы. Она даже помнила - "Бледные поганки", кажется. Ядовитые очень... Вот они сейчас и были похожи на поганок - белые, полупрозрачные в пронизывающем свете зеркала, и в нашлапках.

Мати своими здоровенными ладонями аккуратно прижала волосы Вирин к голове, но вдруг остановилась. Распустила их, пропустила сквозь толстые пальцы шелковые пряди, даже понюхала. А потом перевела глаза на свое отражение... В зеркале лупала глазами коротко стриженная женщина, ее голова была, как будто в черной шапке, из-под которой торчали оттопыренные уши. Мати стригла свою чернявую копну так коротко, что волосы просто прилипали в коже круглой головы - как будто это была ткань. Да еще этот колпак. Вирин старалась не улыбаться, прикрывала глаза, но Мати все поняла...

Вирин, нахмурившись, хотела оттолкнуть подругу, но та опомнилась, скрутила волосы Вирин в плотный жгут, уложила его плоско, так, чтобы он как можно меньше бросался в глаза, растянула колпак и опустила его на голову. Колпак запульсировал, как живой, как будто прощупывал что ему надо сейчас обтянуть, и сел так плотно, что у Вирин даже уголки глаз потянуло к вискам. Больше не было волос - была круглая белая башка, похожая на яйцо. Мати тоже уже была в таком же виде... Осталось только впрыгнуть в полупрозрачные обручи, лежащие на полу - и экипировка была закончена.

Вирин и правду в этой затянувшей ее пленке смотрелась рядом с Мати странно... У той все было массивно и одинаково - низ, середина, верх, перед и зад. А у Вирин не так - там перехватить можно, как прутик, там выпуклость, и там... Короче, слишком. Нар даже сначала кривился - космеи не должны были так переть в нос женской сутью... Но лучше Вирин он никого не находил очень много лет - у нее было особое чутье, абсолютное бесстрашие и четкий, острый ум.

Задача на пробном полете у вас простая. Долететь до Зинда, сделать круг, посадить кослет. Выйти, сделать анализ всего, чего можно сделать анализ. И вернуться. Полет обучающий, через неделю вы будете делать тоже самое на Эльтаре. Так что тренируйтесь. Медсин с вами полетит - не хотел, но ладно.

... Кослет уже стоял на приколе. Вирин каждый раз как будто видела аппарат заново - и каждый раз он вызывал у нее восхищение. Тонкий, как стальная спица, такой же острый с двух сторон - он пронзал пространство космоса так легко, как пронзает игла кожу. Впервые, когда Вирин увидела аппарат, она даже не поняла - как они вообще туда поместятся, это было практически невозможно. Но внутри оказалось комфортно и уютно - огромные дисплеи, удобные кресла, мощные капсулы для депортации. И даже уголок медсина казался настоящим амбулансом - хоть и маленьким. Кослет был настоящим домом - он всегда был готов принять в себя свою команду.

Глава 3

- Тэкс...Тэкс-тэкс... Тут у нас нервочки и тут тоже. Нехорошо, прелесть моя, предполетной премидикацией манкировать, полет хоть и пробный, но полет ведь. Неделю лететь - не час. Ишь...Кукуня...

Вирин и правду стало стыдно...Пользуясь знакомством с начальником Медицины, да и что скрывать - подговорив Мати, к которой огромный и неповоротливый Бэнс питал нежные чувства, Вирин быстренько, лиской подкатилась к нему, уговорила поставить стэпы.

- Ну, смотри, Бэнс. В том месяце я полный осмотр проходила и позапрошлом. Что ты думаешь, что я за месяц развалиться должна? Поставь...Чего тебе стоит, не могу глотать эти ваши шары.

Вирин действительно эти диагностические штуки глотала с трудом. Они хоть и были мелкие, размером с небольшой диск, но потом они так противно елозили внутри, обдавая все холодом, что ей было по настоящему не по себе. Тошнило, крутило, колотилось сердце, дрожали руки - и пока шары не выходил из ее тела, такое состояние не проходило. Бэнс внимательно смотрел в глаза Вирин, видно было что ему и самому неохота было возиться с этой юной и здоровой космеей, вводить потом успокаивающее, ну ее.

- А психокоррекцию делала?

Вирин поняла, что проскочила, подпрыгнула, хотела было коснуться лбом щеки главмедсина - так у них выражали благодарность, но не достала, ударилась лбом о мягкий, почти женский подбородок, оба хихикнули

- Делала, я все время туда хожу. Поставишь, Бэнс?

Бэнс посмотрел на свет карточку Вирин, поторогал толстым пальцем предыдущие стэпы, снова впялился ей в лицо своими круглыми, острыми глазками.

- А секс был? Когда и сколько...

Вирин вздохнула. Это был подлый ход - секса у нее не было месяц. Ну не могла она заниматься этим с Энгом - он напоминал ей большую роботизированную статую при этом, двигался четко, точно, правильно. И она себе напоминала такую статую - лежала, выпрямившись, делала нужные движения, издавала нужные звуки. Разрядка происходила, конечно, но она была тоже механической - а как еще это должно было происходить у роботов.

- Бэнс... Ну ты же знаешь... Некогда...

Огромный медсин встал, показал ей глазами на кушетку, скинул расстегнутую до пояса белую куртку, сдернул с Вирин брюки

- Один сеанс. Иначе ничего не поставлю. Ты же знаешь порядки, Вири - это обязательный ритуал.

И когда все кончилось, он щелкнул стэптом, пробурчал

- Берут мужчин не по себе, потом черте чего делают. Не можешь заниматься со своим мужчиной чем положено - смени. Выбор вон есть - одиночек навалом. А без этого о полетах забудешь, последний раз выпускаю так.

...

Пирс...ну что ты пристал - стоят же стэпы. Какие нервочки еще. Все в порядке у меня.

Кругленький Пирс потыкал пальцами в живот Вирин, потом в шею, прижал кожу, щупая пульс, ворчнул

- И тут нервочки. Короче, птица. Полетишь в летере. Мне с тобой возиться неохота, задание маленькое, испортишь - с меня шкуру снимут. А в следующий раз устроишь такие штучки - спишу с борта. Давай - иди к летеру, я сейчас.

Вирин вздохнула. Поганый медсин лишал ее любимого занятия - смотреть за полетом. Вот это - сначала легкая атмосфера приземья, потом взрыв защитного купола, который момен-

тально затянет свою рану сразу за хвостом кослея, потом миллиарды звезд, сияющие, как рассыпанные бриллианты - у Вирина было такое платье - на темно фиолетовом фоне россыпи бриллиантовой пыли - потом плотный, как масло переход, в котором кослей пробурывал маслянистый тоннель - а потом свобода. Потом просто полет - никого, ничего - пустота. Но живая, дышащая, прячущая тайны. И на тебе - в лете...

- Пирс... Я хорошо вести себя буду, обещаю. Оставь - а?

Пирс снова пошарил пальцами у Вирина по шее, крякнул

- Не ... Ну тебя к чертям. Пройдешь премедикацию - полетишь как все. А сейчас давай - в летер. А будешь секс не со своим мужчиной принимать, а с кем попало - ничего не пройдешь. Ишь ты. Самая хитрая...

Летер был великоват для худенькой Вирина, но это было и неплохо - не так противно. Она улеглась на кресло - то сразу откинулось, заставив принять Вирина полулежачее положение, верхние створки закрылись, щуп сбоку нашарил ее локтевой сгиб. Тоненький ласковый голосок начал считать - щуп довольно чувствительно впился в кожу и все погасло - Вирина ввели в летаргический сон... В лете, как говорили космы.

А кослей на всей скорости разорвал защиту, и от этого воздух внутри завибрировал, как струна.

Глава 4

- Эй. Красавица спящая... Вставай. Приехали. Читала сказку такую...

Голос доносится издалека, был мутным, как будто пытался пробиться сквозь плотные облака купола, но лез в мозги так настойчиво, что Вирина открыла глаза. Голова, в принципе, была светлая, летера не давала побочных эффектов, а вот настроение... Настроение было не очень, давило что-то внутри, резало. Но Вирина не зря была одной из ведущих космеек, с капризами справляться умела, поэтому легко села, отодвинула пластик капсулы, улыбнулась Пирсу.

- Привет. Радуйся, что вообще проснулась, а то бы было тебе. Ну что.. Сели?

Пирс радостным колюшком прокатился вокруг капсулы, протянул руки, вытянул Вирина, усадил на круглый стеклянный стул около визира.

- Ну-ка.. Ну-ка.. Замри. Дыши. Опять замри. Руки подними... Шикарно...

Пирс быстро щелкал пальцами в воздухе, на экране визира мелькали силуэты тоненькой женщины, а потом раз - все пропало.

- Отлично. Отлично! Больше никаких нервов. Теперь у тебя вместо них канаты!!! Говорил, что летера это благо, не верит никто. Иди, готовься к выходу. Назад полетишь, как надо.

Вирина снова улыбнулась Пирсу, легко слетела с высокой лестницы амбуланта и, стараясь, не обращать внимания на откуда то взявшуюся тоску выбежала в шлюз. Мати уже была там, вокруг неё искрился защитный кокон, только шлем ещё лежал на перегородке, и от него исходили волны тепла.

- О. Привет. Открыли? Я уж думала они тебя оставят, как ты?

Вирина молча подошла к своему отсеку, разделась догола, но, подумав, вытащила из контейнера оболочку, бросила на себя и та растеклась по телу, сделав его белоснежным, матовым. Оболочку надевали по желанию, большинство космеек выходили в прозрачном коконе прямо на голое тело, это было особым шиком - красивым телом немного кокетничали. Вирина тоже так делала, а сейчас не хотелось. Оболочка превращала тело в механизм без формы и чувства, так выходили в космос и Мати и Пирс... И вот теперь и Вирина.

- Я нормально, Мати. Отлично даже. Просто бури, они измучали. Пройдёт.

Мати подошла ближе, прикоснулась кончиками пальцев к вискам Вирина, вздохнула.

- Хорошо, говоришь? С таким "хорошо" больше не выпустят. Ты с Энгом как? Сменить не пора?

Вирина увернулась от проникающего до костей взгляда подруги, щелкнула тумблером, кокон окружил её тело плотно и тепло.

- Какая разница, Мат? Мужчина ничего не меняет, хоть каждый день другого бери. Это что-то внутри.

Мати подняла над головой шлем, прищурилась

- Внутри желудок, кишки, кровеносная система. Если у тебя сбоит, скажи медсестру. И возьми себя в руки, не нравишься ты мне.

Вирина тоже подняла шлем, но чуть притормозила, шепнула

- Ты старые папиры не читала. А там пишут, что есть душа. И она болит...

Мати нервно дёрнула плечом, бросила на себя шлем. А потом смотрела, как это делает Вирина, подошла, проверила герметичность. Она что-то говорила, но Вирина видела только тонкие, чуть шевелящиеся губы. Она догадывалась, что подруга не говорит ей ничего хорошего.

Глава 5

- Ты, красота, нарушаешь основные правила космов. Это плохо. Вернее так - это очень плохо. И стоит старому Пирсу донести это до высших, тебе не видать полетов, как мне этого...

Пирс вдруг смешно подпрыгнул, снял чехол, затягивающий его голову под скафандром так плотно, что голова казалась меньше, чем была и повернулся к Вириной боком. И она, увидев его уши, не могла сдержать смех. Медсин оказался лопухим. Причем не просто со слегка оттопыренными ушами, нет. Его уши торчали в стороны, как флаги, Вирина даже удивлялась, что она не видела этого раньше. Хотя... Вечный чехол, скафандр, колпак. Странно, что она вообще помнила его лицо.

- Надень, Пирс. А то не могу, расхохочусь, обидишься

Пирс натянул форменную шапочку, присел на высокий круглый табурет, развел руками, вызывая дисплей.

- И что писать? То, что ты, сидя на камне чужой планеты смотрела в небо? И не просто смотрела, а именно так, как космам запрещено? Ты вообще помнишь правила?

Вирина помнила Десять равнодушных, не несущих никаких эмоций пунктов. Не вникать. Не вливаться. Не пытаться понять. Не очаровываться. Смысла вот этого последнего "Не" Вирина никогда особо не понимала - а теперь вдруг поняла. Очарование живым, дышащим, теплым и бесконечным небом могло запросто превратить ее из жесткой, четкой и рациональной космеи неизвестно в кого.

- Помню, Пирс. Не пиши. Этого больше не повторится.

Пирс ляпнул маленькими ручками, затянутыми в перчатки по дисплею, пощелкал пальцами в воздухе, в сердцах оттолкнул экран от себя и тот погас бессильно.

- Ладно! Будет терапия, Вирина. Мозги буду тебе вправлять. И мужчину надо заменить, этот делает тебя уязвимой. Иди.

Но что-то и вправду случилось в голове Вирины под этим небом. В летеру ее не упекли, летела она, как все, сидела на своем рабочем месте - и не могла оторвать глаз от окулуса. А там, за тонким прозрачным стеклом огромное синее пространство сияло, пульсировало, тянуло в себя. Вирина никогда не чувствовала такого - космос пытался ее заманить. Что-то оттуда тянуло к ней свои странные тяжи - то ли какой-то энергии, то ли еще чего-то, и от этого сладко замирало в груди, а потом рушилось, превращая Вирина в безвольную кучку - тающую и бессильную. Она боролась, быстро и четко работала, набирала отчет, описывала свои образцы. Но краем глаза видела - Пирс на нее внимательно смотрит. И еще видела - он связался с землей и говорит с главмедсином. И говорит явно о ней.

Кослет сел так мягко, что Вирина даже не почувствовала землю. Просто вдруг исчезла пустота под ногами, и внутри все заполнилось содержанием, так всегда бывало, когда они сидели. Мати быстренько затолкала Вирина в шлюз, это было единственное место, где их никто не слышал.

- Вири, погоди. Сейчас тебя будут встречать - Бэнс и еще один человек. Они так решили, тебе не стоит сопротивляться. Ты же знаешь, что бывает со списанными космеями

Вирина знала. С ними не церемонились. Они слишком были напичканы ненужными для основной массы населения земли сведениями, и их изолировали. Существовал лагерь для таких изгнанных, он находился где-то в горах, особенно сильно пострадавших от радиации, и, по слухам, космеи там долго не жили. Вирина в эти слухи не верила, вернее, не особо хотела верить, но тяжелый взгляд Мати, похоже это подтверждал.

- Какой человек? Зачем?

Мати быстро и жестко терла ей спину щеткой, потом развернула к себе лицом, сунула щетку в руки, направила струю дезинфектанта прямо в грудь.

- Тот самый человек. Энга твоего передали Чоре - помнишь такую, она пицевка. А тебе выдали нового. А что? Сама виновата с депрессиями своими - бури ее, видите ли, мучают. Теперь не будут. Не до них.

Мати улыбалась, а Вирина пыталась вспомнить Чору. Мелькало ее лицо в памяти - она у нее получала пайки, черная. вроде, высокая. стройная. Ну что же... Энг заслужил. Правда вот лицо его Вирина почему-то вспомнить не могла - расплывалось оно, как блин на сковороде. Тот самый, который он так любил жарить по воскресеньям.

... Двери шлюза открылись неожиданно - Вирина хотя и стояла уже одетая, но все равно - как правило их чуть сушили, потом постепенно меняли атмосферу, а тут как-то быстро. И лучше бы она вообще не открывалась - рядом с Бэнсом стоял огромный человек, размером, наверное, с гору Зинда. Плечистый, с мышцами, играющими под кожей при любом движении, он смотрел на Вирина холодными голубыми глазами и улыбался.

- Привет. Я Крэк. Нравлюсь тебе?

Вирина хотела было шарахнуть в сторону, но вовремя одумалась. Бэнс смотрел пристально. И он провожал глазами новую пару, пока их платформа - огромная и, судя по всему очень дорогая не скрылась из глаз.

Глава 6

Платформа опустилась тяжело, впрочем это было и не удивительно - вес Крэка превышал все нормы, Вирина вообще не понимала, как ему дали разрешение на этот вид транспорта. Но тем не менее - они сели, мужчина спустился на травяное покрытие перед входом, протянул руки. Вирин до отвращения не хотелось принимать это предложение, тем более, что от Крэка пахло странно, как будто чуть припущенным мясом - такое любил Энг и даже готовил сам. Но делать было нечего, космеи так себя не вели с выбранными свыше, это было чревато ранним списанием, а оно было не надо. Вирин собралась с духом, задержала дыхание и прыгнула в раскрытые объятия, ожидая моментальных мужских действий. Но ничего не произошло. Крэк бережно опустил ее на покрытие, галантно протянул руку, показывая путь.

- У меня дом подземный, Вири. Я из тех, кто любит предвосхищать. А здесь, сама понимаешь, хорошего не жди. Но тебе понравится, Альяна любила наш дом. Он уютен.

Вирин резко развернулась, глянула Крэку в лицо

- Альяна? Это твоя космея? А где она?

Крэк чуть потемнел лицом, густые брови дикаря сошлись на переносице, и Вирин показала, что у него чуть повлажнили глаза

Альяна не была космеей, Вири. Она была простой, работала на фермере, там химии много. А за простыми так не следят, они более свободны.

Дом у Крэка и правда был странный. Вход был похож на нору, которую предприимчивый крот (Вирин видела этих зверушек в старых папирах) зачем-то оборудовал пластиковыми ступенями и стеклянным навесом. Ступени были низкими, широкими и плоскими, да и совершенно бессмысленными, потому что они шли сначала вверх, а потом вниз. А навес казался мутным - впрочем любое стекло на Земле теперь было таким - стекла отражали теперь не небо, которого больше не было.

- Даже страшно идти. Как в преисподнюю.

Крэк улыбнулся, крепко взял Вирин за локоть, провел по ступеням и, слегка махнув рукой влево привел в действие датчики - черное жерло раскрылось, как дуло.

- Не знаю, что такое преисподняя, но у нас уютно и безопасно.

Он чуть помолчал, потер лоб и тихо поправился.

- У меня. Теперь будет у нас.

Внутри действительно было неплохо. Странный вход вел в небольшой зал, пронизанный легким и невесомым зеленоватым светом, от которого длинные вытянутые лежаки, трансформируемые в кресла движением пальцев, казалось, парили в воздухе. Этот странный свет делал невидимыми узкие шкафы, полки, и их можно было разглядеть только присмотревшись. На полках стояло множество вещей, упакованных в полупрозрачные контейнеры.

- Ты только не подумай. Здесь все новое и все твое. Ты можешь, конечно, забрать вещи из дома - но тут есть все необходимое, тебе совершенно ни к чему ехать туда, встречаться с Энгом и его новой женщиной.

Вирин тронула легкую ткань нежно-голубого комбинезона. Она любила этот цвет, он шел ей А то, что лежало в контейнерах - было абсолютно ее - вплоть до марки.

- Хорошо. А спальня где?

Крэк странно глянул, откуда-то сверху хлынул теплый, как будто солнечный свет, открылась часть потолка и появилась лестница. Она медленно, слегка вращаясь опустилась, заложив несколько плавных виражей, и через минуту они с Крэком были в постели.

- Ты и правда хочешь этого сегодня? Может стоит чуть привыкнуть?

Но Вирин не собиралась ждать. От секса с новым мужчиной зависело многое. А главное - зависел ее полет...

Глава 7

- Демей, ты что-нибудь слышал о любви? Читал старые папиры, у нас же это не запрещено.

Демей отхлебнул кофе, сегодня было именно такое настроение - кофе, причем много, со взбитым молоком, джелли и конфи на тонком сухарике. Джелли плотным шоколадным слоем лежало в изящной пластиковой чаше, целый ворох лепестков миндаля и белого шоколада усеивали этот слой так, что не видно было темной ноздреватой поверхности, сбоку победно торчал приличный кусок вяленого манго - и все это было прекрасно. Особенно рядом с здоровенной чашкой кофе, из которой вздымалась облаком пена молока, грозясь свалиться на янтарный, светящийся апельсиновым конфи сухарик. Завтра уже был пробный - они должны были облететь купол, прорвать его, помотаться по атмосфере, а потом вернуться. Все это именно в том составе и в той комплектации и с тем же оборудованием кослета, в котором они полетят на Эльтар. В полете - неделя, проверка, притирка, общение. Выработка умения находить общий язык. Короче, проба. Самое трудное в этой истории, что медсином должна была лететь третья. Демей тоже был в команде. А он упорно проявлял к Виринам интерес.

Ласковые и чуть бесстыдные серые глаза окатили Вирина теплом, Демей улыбнулся.

- Слово-то какое. Старинное. Нет, Вири, я редко читаю папиры. А знаешь почему?

Вирин, ускользнув от этого, совершенно не нужного ей тепла, жадно зачерпнула приличный кусок джелли, сунула его в рот целиком, посидела, тая он нежного шоколадного облака, потом проглотила, запив кофе.

- Не знаю. Почему?

Демей помолчал. Он отвел глаза, и как-то сразу стало холодно, как будто кто-то приоткрыл окно наружу, лишив их защиты.

- Потому что то, что там написано не существует. И, как бы ты не сопротивлялась этому - не существовало! Они просто обставляли секс красивой мебелью, как мы обставляем дома. Секс ведь приятнее совершать на кровати, а не на голом холодном полу! Вот - поэтому.

Демей почему-то разозлился. Он быстро допил кофе, отодвинул от себя чашу с джелли, откусил от сухарика и встал. Он явно не хотел продолжать разговор. Но Виринам было просто так не взять.

- Обставляли? Не существует? А что же ты от меня не отводишь глаз? Секса у нас нет, я не твоя женщина, а у тебя в глазах теплый океан. Это что?

Демей отошел было, но вернулся, взял Вирина за плечи, заставил встать.

- Забудь. Не думай! Это все не для космов, И я забуду. Нам надо это.

Демей ушел, странно сгорбившись, как будто боялся, что сверху что-то рухнет и придавит его. А Вирина сидела за столиком, механически черпала джелли из чаши и думала. Она понимала, что ее обманывают, лишают чего-то такого, что делает то, что внутри живым. Но кто обманывает, зачем - не понимала.

Резкий удар по спине заставил Вирина сконцентрироваться, отпрыгнуть, принять боевую позу, выхватить лей из плотного кармана костюма. Лей, конечно, у нее был не боевой, скорее, отпугивающий, но бил он сильно, повторения оппоненту, как правило не хотелось. Лей Эльмы был таким же, она хлестнула его лучом, как хлыстом, видимо промазала, потому что удар пришелся на поясницу, а целила она в шею. Вирина вмазала дуре в ответ - и не промазала - по шее Эльмы прокатился валик враз опухшей кожи, она дернула головой и завалилась на покрытие. Завалилась, потом собралась с силами, встала на карачки, отползла к пластиковому стволу пальмы, спрятавшись за его коричнево-красной гладкой массой.

Вирин было рванула за ней, но опомнилась, спрятала лей, посмотрела воровато по сторонам, выдохнула. В этой части площади не было камер, это знала и Эльма, иначе не рискнула напасть здесь. Подскочив к жене Демея она с силой пнула ее ботинком в бедро, зашипела.

- Нашла время, дура. Нам в полет, или ты давно в горах шкуру не жгла? Так попадешь, будем в соседних клетках кочерыжки глотать. Чего тебе надо?

Эльма явно глотала с трудом, но Вирин знала, что это пройдет через полчаса, отек спадет, дыхание восстановится. Она приподняла Эльме голову, вытащила баллончик с озорием, разжала ей зубы заколкой, прыснула. Эльма закашлялась, просипела.

- Я тебя все равно уничтожу, дрянь. Опять с Демеем шлялась. С кослета скину к чертям, будешь болтаться в атмосфере, как сраная звезда.

Вирин еще раз брызнула, увидела, что отек на глазах уменьшается, встала.

- Не спеши. А то спешка тебя уведет в горы. Думаю, Демея тебя и так лишат, у нас не ценят привязчивых и липких космей.

Эльму действительно лишили мужа. Вернее, заменили - и черный, верткий, как жук Аклин теперь не давал ей покоя ни на минуту. А Демею выдали новенькую космею - юную, хрупкую, как стрекоза Асху. Ее только выпустили из косты, она с отличием сдала все экзамены, и подавала надежды высшим. Асха была прекрасна, как райская птица, нежна, белокура и практически полупрозрачна. Вирин даже почувствовала странный, неприятный укол внутри - неизвестное ей чувство было болезненным. Но оно быстро прошло - впереди был полет.

Глава 8

- Ну, ничего, в общем. Говорил, что секс тебя вылечит, не верила. Смотри, даже шари легко перенесла, в кои-то веки. Да и они...

Бэнс быстро водил руками, переключая дисплеи, они мелькали разноцветными вспышками, узкие белые строчки возникали и исчезали, а потом Вирина увидела свое сердце. Оно легко и спокойно трепетало прямо в воздухе, как будто Бэнс вытащил его из ее тела, оно вращалось вокруг своей оси, показывая изумленной Вириной сеть страшных синих сосудов, отверстий и матовых штук. Бэнс прищурился, приблизил сердце поближе, пощелкал пальцами и оно послушно подставило бочок, как будто хотело, чтобы его рассмотрели.

- Нет, показалось. Нормально все. Чертовы шари менять пора, сбоят, собаки.

Он плотно свел края ладоней, превратив только что сияющее пространство в черную мглу, развернулся, слегка напряг губы в улыбке.

- Годна, Вири. Полетишь.

Вирин с облегчением свела края комбинезона, застегнула практически невидимую молнию, спросила

- А что показалось-то? Нехорошее?

Бэнс шустро лепил стэпы в документы Вирина, закончив буркнул.

- Размягчение почудилось. Бывает у космов, лишнее болтание по чужим планетам приносит лишние знания. Знания зарождают брожение. А брожение - размягчает ткани сердца. Это необратимо. Надеюсь, с тобой этого не случится.

Вирин поправила волосы, воровато запихнув выбившуюся прядь под плотную шапочку, обронила.

- А душу ты видел там? В схемах?

Бэнс вздрогнул, резко развернулся, одним прыжком оказался рядом.

- Говорил Нару, чтобы не допускал космов к папирам. Наберутся чуши, как блох. Ты вот, что Вирина. Насчет волос придумай что-нибудь, пораспускают космы, ходят, как ведьмы. Про ведьм, читала, небось?

Он резко вытянул руку в сторону, двери лаберии открылись, это означало, что Вирина надо уходить.

- Читала. Это сущности, я встречала таких в атмосфере.

- Ну и отлично. А про душу забудь. Нет никаких душ, сотни раз я просматривал вас - насквозь видел, до последнего нервного отростка. Нет ничего. Выдумки. И меньше читай папиров, они многих сводят с ума.

Построение перед пробным было сумбурным. Как будто все понимали, что это так, игра, не серьезно. Поболтаются вокруг купола, проверят оборудование, притрутся друг к другу, да и все дела. Но, тем не менее, на плазе всех выстроили, все в том снаряжении, в котором будут в полете - пять космей, пять космов. Вирин до самого построения не знала, кто будет четвертой и пятой. И вот.

- Четвертой оказалась Келея. Это была старая и опытная космея, до списания ей оставалось пару полетов, но ее любили и ценили - она была мудрой. Никто кроме нее не мог так остановить всплески агрессии, которые часто бывали в атмосфере, никто так не мог успокоить, смирить и даже пожалеть. Келея отвечала за материальную часть полетов - в ее ведении было и питание, и снаряжение и развлечения. Высокая, сухая, как ветка пластиковой пальмы, выброшенной за ненадобностью, с короткой стрижкой странно белесых волос и круглыми глазами Келея была внешне неприятной, но все менял взгляд. Ласковый, вернее, ласкающий, точно как у бабушек из старых сказок, вяжущих чулки на ветхих страницах папиров, он превращал ее грубоватое лицо в нежное, и даже чуть сияющее. Даже Нару чесал затылок в поисках спосо-

бов оставить ее еще на пару лет, но способа такого не было, правила отличались жесткостью и незыблемостью.

А вот пятой была Асха. Она стояла последней в ряду космей, смотрела неуверенно и жалко, тяжелый узел волос, с трудом спрятанный под резиновый колпак оттягивал ее маленькую голову назад, и от этого непропорционально большая грудь казалась еще больше.

Это был странный ход Отправить в полет, пусть пробный Демей, Асху, Эльму и Вирин Ну, наверное, это имеет свой смысл, шокковые штуки Нар часто использовал - самые непримиримые после полетов становились идеальной командой - они, заполняли изъяны друг друга, составляясь, как пазлы в четкую картинку.

Космы тоже были подобраны сомнительно Во первых - Демей. Во-вторых летел Ким - противнее мужчины Вирин не знала. Мелкий, как насекомое, быстрый, ушлый, он влезал во все, даже самые маленькие щели, от его взгляда ничего не могло укрыться, он знал все и про всех. Третьим и четвертым были два близнеца - Эр и Арс. Они казались безликими, с ними мало кто общался - вся электроника и компьютерное обеспечение кослета было на них. Ну и Нар. Вирин не понимала, почему он сам решил лететь - но начальство есть начальство, у него свои причуды. Нар не стоял в ряду построения, он медленно шел вдоль линии, напряженно вглядываясь в лица.

Глава 9

Кослет прорвал колпак плавно, почти без рывка, так бывало нечасто, и Вирина всегда боялась этого момента, ей казалось, что однажды колпак не поддастся, примет кослет за врага и раздавит его своей серой, тяжелой массой. Она даже пригнала голову инстинктивно, а потом оглядывалась потихоньку, никто ли не видел ее слабости. Но никто не видел, потому что у всех с этим моментом были особые отношения, каждый это скрывал в себе. А потом что-то случилось, как будто с лица сдергивали плотную, мешающую дышать маску, и свободный ветер космоса врвался внутрь.

Вирин любила это ощущение. Она всегда в этот момент прикинула к окукусам, и ей казалось, что она смотрит в слегка открытое окно. Даже почувствовала это дуновение - свежее, чистое, хрустальное. Почему-то ей казалось, что там, за бортом оно именно такое. А душный, спертый воздух задыхающейся земли остался далеко - далеко, в какой-то иной жизни.

- А я ничего не вижу На что ты смотришь?

Голосок был нежный, чуть звенящий и жалобный. Да еще и сдавленный, как будто говорящей перекрыли рот ладонью. Вирин и забыла, что к ней посадили Асху, а та еле сдерживала животный ужас, даже руки побелели - в совершенно прозрачных перчатках они казались мертвыми.

- Ты колпакними, можно давно. А то задохнешься. Как тебя вообще пропустили в колпаке-то?

Асха попыталась снять колпак, но он сдавил ее голову так, что у самой не вышло. И Вирин помогла - снизила давление, освободила стажерку от удавки, с насмешкой глянула в круглые от страха глаза.

- Не знаю, Вирин, Эльма ничего не сказала. А меня учили, что при проходе надо слушать, что говорит медсин.

Вирин вздохнула. Медсин пропускала каждую пару в свой отсек, Асха действительно ни с кем не могла встретиться, кроме Эльмы - а та, похоже, решила поиздеваться.

- Ну, ничего. Ты подыши, а я тебе отлажу окукус. Тебя что, этому не учили?

Асха сидела мокрая, как мышка, даже на белоснежном, гладком, как мрамор лбу выступили капли, и Вирин стало так жалко бедную девчонку, что она погладила ее по плечу, шепнула.

- Все будет хорошо. Не бойся. Я буду с тобой.

Кослет плыл в атмосфере, как огромный корабль из старинных папирос. В окукусах можно было настроить обратную картинку, и ты, как будто сам плыл в этой черной воде, глядя на кослет. Вирин даже помнила такую иллюстрацию - мутное светило, туман, превращающий черноту во блеклую жижу и среди всего этого - торжественный остов медленно пробирающегося корабля. Это было прекрасно, даже Асха успокоилась, прильнув к окукусам. Но очарование прошло, прозвучал сигнал, надо было идти на сбор.

- Знаешь, Вирин. Мне Эльма сказала, чтобы я держалась от тебя подальше. Что ты из-за Демея.

Вирин резко выпрямилась, грубо тряхнула глупую девчонку за плечи, зашипела.

- Забудь. Первое правило - в космосе все земные делишки остаются на Земле. Тащить их сюда пошло и не принято. Второе правило - мужчина может быть в двух ипостасях. Это или лекарство или добыча. Ты иди сама бьешься за него, добывая себе лучшее, или тебе его выписывают, как диски. Остальное чушь. Глупость. У меня с Демеем нет ни того ни другого. А Эльма...

Вирин не стала договаривать, поправила Асхе волосы, запихнув их под легкий силикон, подтолкнула к выходу из отсека.

- Нас с тобой остригут, красавица, похоже перед основным полетом. Будем, как Келея. Но, это ничего, тот полет стоит любых жертв.

Нар медленно внутри живого круга космов, останавливался перед каждым, вглядывался в лица. Наконец, видимо углядел все что хотел, развел руками, вызывая дисплей, чуть поводит пальцами и к каждому косму поплыли тягучие лучи, которые при подлете к адресату превращались в полупрозрачные карточки.

- Задания. Они больше психологические, коммуникативные. Это чтобы не бездельничали, да и в команду превращались. Выполнять, начиная с завтрашнего дня, сегодня личное и отдых. Расходимся.

Карточка была неверной, все время меняла форму и, почему-то горячей. Вирин сунула ее в карман комбинезона, твердо решив не смотреть задание сегодня, не портить настроение. Но имя Эльмы мелькнуло у нее перед глазами, вызвав легкое раздражение и напряг.

Глава 10

Ты вниз, я вверх. Аккуратнее, пожалуйста, не форсируй. Хватит и пяти образцов, они все равно ничего не найдут, сколько раз уже пробовали. Давай...

Мати пошла вверх по камням, она сама была похожа на большой светящийся булыжник - округлый, неуклюжий, тяжелый. Огромная голова в шлеме смешно качалась, следом тащились почти незаметные щупы, связывающие космос с кослетом, все это выглядело комично, и у Вирина немного улучшилось настроение. А, главное, перестало давить в груди. Видно и правда, атмосфера здесь была не такая тяжелая, как на Земле - магнитных бурь не было, даже идти оказалось легко и приятно. А тут еще скачущий, как мячик Пирс, оставшийся у кослета - издали он казался игрушечным, чудным. Вирина совсем развеселилась, спустилась вниз, ругаясь на надоедливые щупы, собрала образцы, аккуратно уложила их в контейнер, и вдруг, сама не ожидая от себя такой наглости присела на валун. Им были абсолютно запрещены такие штуки, но вокруг не было души, а она позволила себе.

Валун показался ей теплым. Конечно, она не могла почувствовать никакого тепла, сквозь непроницаемую толщу кокона не проходило ничего - но ощущение было. Она чувствовала ласку нагретого камня - ей вдруг захотелось откинуться, оперевшись на выступ за спиной и посмотреть в небо. Что она и сделала... И совершенно ошалела... Они не смотрели в небо на планетах, это им было ни к чему - опускались, выполняли задание, как роботы, возвращались в аппарат. А тут... А тут было небо! Высокое, необъятное, пронизанное светом каких-то образований, оно манило. Оно совсем не напоминало мутный, душный защитный колпак Земли, от этого неба внутри разливалась странная радость, хотелось сорвать шлем и упиваться бесконечной хрустальной высотой. Вирина, наверное, так бы и сделала, но ее кто-то толкнул в кокон, она пришла в себя - рядом стоял Пирс. И его лицо в куполе шлема не обещало ничего хорошего...

- Ты, красота, нарушаешь основные правила космоса. Это плохо. Вернее так - это очень плохо. И стоит старому Пирсу донести это до высших, тебе не видать полетов, как мне этого...

Пирс вдруг смешно подпрыгнул, снял чехол, затягивающий его голову под скафандром так плотно, что голова казалась меньше, чем была и повернулся к Вирина боком. И она, увидев его уши не могла сдержать смех... Медсин оказался лопухим. Причем не просто со слегка оттопыренными ушами, нет. Его уши торчали в стороны, как флаги, Вирина даже удивлялась, что она не видела этого раньше. Хотя... Вечный чехол, скафандр, колпак. Странно, что она вообще помнила его лицо.

- Надень, Пирс. А то не могу, расхохочусь, обидишься...

Пирс натянул форменную шапочку, присел на высокий круглый табурет, развел руками, вызывая дисплей.

- И что писать? То, что ты, сидя на камне чужой планеты смотрела в небо? И не просто смотрела, а именно так, как космосу запрещено? Ты вообще помнишь правила?

Вирина помнила... Десять равнодушных, не несущих никаких эмоций пунктов... Не вникать... Не вливаться... Не пытаться понять... Не очаровываться... Смысла вот этого последнего "Не" Вирина никогда особо не понимала - а теперь вдруг поняла. Очарование живым, дышащим, теплым и бесконечным небом могла запросто превратить ее из жесткой, четкой и рациональной космеи неизвестно в кого.

- Помню, Пирс. Не пиши. Этого больше не повторится.

Пирс ляпнул маленькими ручками, затянутыми в перчатки по дисплею, пощелкал пальцами в воздухе, в сердцах оттолкнул экран от себя и тот погас бессильно.

- Ладно! Будет терапия, Вирина. Мозги буду тебе вправлять. И мужчину надо заменить, этот делает тебя узвимой. Иди...

...

Но что-то и вправду случилось в голове Вирина под этим небом. В летеру ее не упекли, летела она, как все, сидела на своем рабочем месте - и не могла оторвать глаз от окулуса. А там, за тонким прозрачным стеклом огромное синее пространство сияло, пульсировало, тянуло в себя. Вирина никогда не чувствовала такого - космос пытался ее заманить. Что-то оттуда тянуло к ней свои странные тяжи - то ли какой-то энергии, то ли еще чего-то, и от этого сладко замирало в груди, а потом рушилось, превращая Вирина в безвольную кучку - тающую и бессильную. Она боролась, быстро и четко работала, набирала отчет, описывала свои образцы. Но краем глаза видела - Пирс на нее внимательно смотрит. И еще видела - он связался с землей и говорит с главмедсином. И говорит явно о ней...

Глава 8

Резкий удар по спине заставил Вирин сконцентрироваться, отпрыгнуть, принять боевую позу, выхватить лей из плотного кармана костюма. Лей, конечно, у нее был не боевой, скорее, отпугивающий, но бил он сильно, повторения оппоненту, как правило не хотелось. Лей Эльмы был таким же, она хлестнула его лучом, как хлыстом, видимо промазала, потому что удар пришелся на поясницу, а целила она в шею. Вирин вмазала дуре в ответ - и не промазала - по шее Эльмы прокатился валик враз опухшей кожи, она дернула головой и завалилась на покрытие. Завалилась, потом собралась с силами, встала на карачки, отползла к пластиковому стволу пальмы, спрятавшись за его коричневой гладкой массой.

Вирин было рванула за ней, но опомнилась, спрятала лей, посмотрела воровато по сторонам, выдохнула. В этой части площади не было камер, это знала и Эльма, иначе не рискнула напасть здесь. Подскочив к жене Демея она с силой пнула ее ботинком в бедро, зашипела

- Нашла время, дура. Нам в полет, или ты давно в горах шкуру не жгла? Так попадешь, будем в соседних клетках кочерыжки глотать. Чего тебе надо?

Эльма явно глотала с трудом, но Вирин знала, что это пройдет через полчаса, отек спадет, дыхание восстановится. Она приподняла Эльме голову, вытащила баллончик с озорием, разжала ей зубы заколкой, приснула. Эльма закашлялась, просипела.

- Я тебя все равно уничтожу, дрянь. Опять с Демеем шлялась. С кослета скину к чертям, будешь болтаться в атмосфере, как сраная звезда.

Вирин еще раз брызнула, увидела, что отек на глазах уменьшается, встала.

- Не спеши. А то спешка тебя уведет в горы. Думаю, Демея тебя и так лишат, у нас не ценят привязчивых и липких космей...

Эльму действительно лишили мужа. Вернее, заменили - и черный, верткий, как жук Аклин теперь не давал ей покоя ни на минуту. А Демею выдали новенькую космею - юную, хрупкую, как стрекоза Асху. Ее только выпустили из косты, она с отличием сдала все экзамены, и подавала надежды высшим. Асха была прекрасна, как райская птица, нежна, белокура и практически полупрозрачна. Вирин даже почувствовала странный, неприятный укол внутри - неизвестное ей чувство было болезненным. Но оно быстро прошло - впереди был полет...

- Ну, ничего, в общем. Говорил, что секс тебя вылечит, не верила... Смотри, даже шари легко перенесла, в кои-то веки... Да и они

Бэнс быстро водил руками, переключая дисплеи, они мелькали разноцветными вспышками, узкие белые строчки возникали и исчезали, а потом Вирин увидела свое сердце. Оно легко и спокойно трепетало прямо в воздухе, как будто Бэнс вытащил его из ее тела, оно вращалось вокруг своей оси, показывая изумленной Вирин сеть страшных синих сосудов, отверстий и матовых штук. Бэнс прищурился, приблизил сердце поближе, пощелкал пальцами и оно послушно подставило бочок, как будто хотело, чтобы его рассмотрели.

- Нет, показалось. Нормально все. Чертовы шари менять пора, сбоят, собаки.

Он плотно свел края ладоней, превратив только что сияющее пространство в черную мглу, развернулся, слегка напруг губы в улыбке.

- Годна, Вири. Полетишь.

Вирин с облегчением свела края комбинеzona, застегнула практически невидимую молнию, спросила

- А что показалось-то? Нехорошее?

Бэнс шустро лепил стэпы в документы Вирин, закончив буркнул.

- Размягчение почудилось. Бывает у космов, лишнее болтание по чужим планетам приносит лишние знания. Знания зарождают брожение. А брожение - размягчает ткани сердца. Это необратимо. Надеюсь, с тобой этого не случится.

Вирин поправила волосы, воровато запихнув выбившуюся прядь под плотную шапочку, обронила.

- А душу ты видел там? В схемах?

Бэнс вздрогнул, резко развернулся, одним прыжком оказался рядом.

- Говорил Нару, чтобы не допускал космов к папирам. Наберутся чуши, как блох. Ты вот, что Вирин. Насчет волос придумай что-нибудь, пораспускают космы, ходят, как ведьмы. Про ведьм, читала, небось?

Он резко вытянул руку в сторону, двери лаберии открылись, это означало, что Вирин надо уходить.

- Читала... Это сущности, я встречала таких в атмосфере...

- Ну и отлично. А про душу забудь...Нет никаких душ, сотни раз я просматривал вас - насквозь видел, до последнего нервного отростка. Нет ничего. Выдумки...И меньше читай папиров, они многих сводят с ума....

Глава 9

Построение перед пробным полетом было сумбурным. Как будто все понимали, что это так, игра, не серьезно. Проболтаются вокруг купола, проверят оборудование, притрутся друг к другу, да и все дела... Но, тем не менее, на плазе всех выстроили, все в том снаряжении, в котором будут в полете - пять космеей, пять космов. Вириин до самого построения не знала, кто будет четвертой и пятой. И вот...

Четвертой оказалась Келея. Это была старая и опытная космея, до списания ей оставалось пару полетов, но ее любили и ценили - она была мудрой. Никто кроме нее не мог так остановить всплески агрессии, которые часто бывали в атмосфере, никто так не мог успокоить, смирить и даже пожалеть. Келея отвечала за материальную часть полетов - в ее ведении было и питание, и снаряжение и развлечения. Высокая, сухая, как ветка пластиковой пальмы, выброшенной за ненадобностью, с короткой стрижкой странно белесых волос и круглыми глазами Келея была внешне неприятной, но все менял взгляд. Ласковый, вернее, ласкающий, точно как у бабушек из старых сказок, вяжущих чулки на ветхих страницах папиоров, он превращал ее грубоватое лицо в нежное, и даже чуть сияющее. Даже Нар чесал затылок в поисках способов оставить ее еще на пару лет, но способа такого не было, правила отличались жесткостью и незыблемостью. А вот пятой была Асха. Она стояла последней в ряду космеей, смотрела неуверенно и жалко, тяжелый узел волос, с трудом с прятанный под резиновый колпак оттягивал ее маленькую голову назад, и от этого непропорционально большая грудь казалась еще больше.

Это был странный ход... Отправить в полет, пусть пробный Демей, Асху, Эльму и Вириин... Ну, наверное, это имеет свой смысл, шоковые штуки Нар часто использовал - самые непримиримые после полетов становились идеальной командой - они, заполняли изъяны друг друга, составляясь, как пазлы в четкую картинку.

Космы тоже были подобраны сомнительно... Во первых - Демей... Во вторых летел Ким - противнее мужчины Вириин не знала. Мелкий, как насекомое, быстрый, ушлый, казалось он влезал во все, даже самые маленькие щели, от его взгляда ничего не могло укрыться, он знал все и про всех. Третьим и четвертым были два близнеца - Эр и Арс. Они казались безликими, с ними мало кто общался - вся электроника и компьютерное обеспечение кослета было на них. Ну и Нар... Вириин не понимала, почему он сам решил лететь - но начальство есть начальство, у него свои причуды. Нар не стоял в ряду построения, он медленно шел вдоль линии, напряженно вглядываясь в лица.

Кослет прорвал колпак плавно, почти без рывка, так бывало нечасто, и Вириин всегда боялась этого момента, ей казалось, что однажды колпак не поддастся, примет кослет за врага и раздавит его своей серой, тяжелой массой. Она даже пригнала голову инстинктивно, а потом оглядывалась потихоньку, никто ли не видел ее слабости... Но никто не видел, потому что у всех с этим моментом были особые отношения, каждый это скрывал в себе. А потом что-то случилось, как будто с лица сдергивали плотную, мешающую дышать маску, и казалось, что свободный ветер космоса врывается внутрь...

Вириин любила это ощущение... Она всегда в этот момент прикикала к окулусам, и ей казалось, что она смотрит в слегка открытое окно. Даже чувствовала это дуновение - свежее, чистое, хрустальное. Почему-то ей казалось, что там, за бортом оно именно такое. А душный, спертый воздух задыхающейся земли остался далеко - далеко, в какой-то иной жизни.

- А я ничего не вижу... На что ты смотришь?

Голосок был нежный, чуть звенящий и жалобный. Да еще и сдавленный, как будто говорящей перекрыли рот ладонью. Вириин и забыла, что к ней посадили Асху, а та еле сдерживала животный ужас, даже руки побелели - в совершенно прозрачных перчатках они казались мертвенными.

- Ты колпакними, можно давно. А то задохнешься. Как тебя вообще пропустили в колпаке-то?

Асха попыталась снять колпак, но он, похоже сдавил ее голову так, что у самой не вышло. И Вирина помогла - снизила давление, освободила стажерку от удувки, с насмешкой глянула в круглые от страха глаза.

- Не знаю, Вирина... Эльма ничего не сказала. А меня учили, что при проходе надо слушать, что говорит медсин.

Вирина вздохнула. Медсин пропускала каждую пару в свой отсек, Асха действительно ни с кем не могла встретиться, кроме Эльмы - а та, похоже, решила поиздеваться.

- Ну, ничего. Ты подыши, а я тебе отлажу окулус. Тебя что, этому не учили?

Асха сидела мокрая, как мышка, даже на белоснежном, гладком, как мрамор лбу выступили капли, и Вирина стало так жалко бедную девчонку, что она погладила ее по плечу, шепнула.

- Все будет хорошо... Не бойся... Я буду с тобой...

Кослет плыл в атмосфере, как огромный корабль из старинных папирос. В окулусах можно было настроить обратную картинку, и ты, как будто сам плыл в этой черной воде, глядя на кослет. Вирина даже помнила такую иллюстрацию - мутное светило, туман, превращающий черноту во блеклую жижу и среди всего этого - торжественный остов медленно пробирающегося корабля. Это было прекрасно, даже Асха успокоилась, прильнув к окулусам. Но очарование прошло, прозвучал сигнал, надо было идти на сбор.

- Знаешь, Вирина. Мне Эльма сказала, чтобы я держалась от тебя подальше. Что ты изза Демея...

Вирина резко выпрямилась, грубо тряхнула глупую девчонку за плечи, зашипела.

- Забудь. Первое правило - в космосе все земные делишки остаются на Земле. Тащить их сюда пошло и не принято. Второе правило - мужчина может быть в двух ипостасях... Это или лекарство или добыча. Ты или сама бьешься за него, добывая себе лучшее, или тебе его выписывают, как диски. Остальное чушь. Глупость. У меня с Демеем нет ни того ни другого. А Эльма...

Вирина не стала договаривать, поправила Асхе волосы, запихнув их под легкий силикон, подтолкнула к выходу из отсека.

- Нас с тобой остригут, красавица, похоже перед основным полетом. Будем, как Келея... Но, это ничего, тот полет стоит любых жертв...

Нар медленно внутри живого круга космов, останавливался перед каждым, вглядывался в лица. Наконец, видимо углядел все что хотел, развел руками, вызывая дисплей, чуть поводит пальцами и к каждому косму поплыли тягучие лучи, которые при подлете к адресату превращались в полупрозрачные карточки.

- Задания. Они больше психологические, коммуникативные. Это чтобы не бездельничали, да и в команду превращались. Выполнять, начиная с завтрашнего дня, сегодня личное и отдых. Расходимся...

Карточка была неверной, все время меняла форму и, почему-то горячей. Вирина сунула ее в карман комбинезона, твердо решив не смотреть задание сегодня, не портить настроение. Но имя Эльмы мелькнуло у нее перед глазами, вызвав легкое раздражение и напряг...

Глава 10

Когда Асха уснула, по детски поплескав тоненькими ручками над своим заданием (поговорить с Кимом, найти точки соприкосновения и написать об этом отчет) Вирина положила на столик свою карточку. Карточка чуть вибрировала, там мелькали какие-то знаки, нужно было положить на нее руку и совместить энергетические потоки. Вирин долго не решалась, она знала, что Нар ничего хорошего не придумает, тем более, что в последнее время он подозрительно поглядывал на нее, чуть прищурив глаза. Но смотреть было надо, и Вирин приложила ладонь. Оторвав руку, взгляделась - на карточке мерцало ухмыляющееся лицо, полупрозрачное, плотное, как кусок ветчины, которую Энг вечно вызывал из холодной камеры к обеду. Эльма смотрела чуть презрительно, но в глазах у нее металась такая злоба, что у Вирин похолодели кончики пальцев.

- Да... Ты сомневалась? Мое задание - ты, твоё - я. Нар не оригинален. Читай.

Лицо Эльмы погасло, на первый план выступил текст. Вирин читала его, удивляясь и думая, что Нар, похоже решил остаться без космей. "Решить между собой чей Демей. Если решения нет, найти его. Применение силы разрешается. Рассказывать о задании Демеему запрещается. Время на выполнения задания сутки".

Этого еще не хватало... Похоже, их невинные игры с Демеем не прошли даром, и даже обмен женщинами ничего не дал. Больше всего в этой истории Вирин раздражало то, что она не претендовала на этого мужчину. И заниматься этой чушью ей совершенно не хотелось. А еще ей было жаль Асху. Ребенок еще, поставили ее между двух огней, глупые игры руководства. Но... Сутки, это катастрофически мало... Да и не привыкла Вирин оттягивать неприятное, решать такие вещи ей нравилось быстро.

Натянув теплонь на тоненькое тело спящей Асхи, Вирин отрегулировала температуру, и, положив в карман шипан - единственное оружие, которое разрешалось на кослете, что-то среднее между острым шипом и коротким ножом - пошла в амбуланс. Эльма не спала. Она сидела перед крошечным столиком из белого сияющего пластика и тупо стучала коротким пальцем по карточке - заданию. И от каждого прикосновения кончик ее короткого ногтя, похожего на лопату из старых книг слегка белел.

- Пришла... Я так и думала, что примчишься враз. И шипан, небось, приперла. Не будет у нас войны, не надейся. Я к полету на Эльтар всю жизнь шла. Из-за этого бородатого болвана не собираюсь этого лишаться...

Вирин думала тоже самое. Демей в этой истории как-то потерялся, стал похож на того дурацкого гнома, который вытаскивают из пыльных сундуков, сохранившихся почти в каждом жилье. В тот самый праздник, смысла которого почти никто не понимал, но от которого что-то щемило внутри и влажнели глаза. Особенно, когда на пластиковые мохнатые деревья вешали всякую блестящую ерунду.

- Да... Как отчет писать будем.

Эльма встала, ее квадратное туловище почти заслонило половину диагнокамеры амбуланса, подошла, брезгливо хлопала Вирин по плечу. Потом щелкнула пальцами, из ящика над столом выскочила такая же карточка, зависла над ними.

- Сначала я, потом ты. По очереди.

Они долго говорили в пустоту дурацкие фразы, старательно пуча глаза. А Вирин думала... Ну, неужели Нар такой идиот, что верит во всю эту хрень... Или это просто элемент игры... Записанную карточку Эльма щелчком отправила в канал связи. Потом дернула руками, закрыв визуальный занавес, его всегда закрывали медсины при обследовании космов.

- А теперь смотри сюда. А все помню. Я ничего не забыла. Все эти Асхи чушь собачья, ты с ним делаешь что-то такое, чего не бывает у нас. А он это делает со мной. И я это прекращу. Любой ценой...

Глава 11

- Ну, подружка, что-то ты синяя такая? С таким цветом лица нас с тобой спишут враз. Случилось что?

Мат была как всегда крепка, весела и непробиваема - Вирина любила ее такой. И от насмешливой улыбки подруги ей как-то сразу стало легко и равнодушно.

- Ну вот. Кровушка хлынула. А пошли-ка мы с тобой к Келее. Она там кофейку наварила, плюшки такие - аж на весь кослет аромат. Все будет хорошо, не дрейфь.

- Знаешь, мне почему-то не по себе. Надеюсь, Нар подумает, переформирует космов. Эльма и я. Это несовместимо.

Мат помолчала, подумала.

- Нет, Вири. Он все оставит, как есть. Ну, а с этой тумбочкой ты там и встречаться-то не будешь, у тебя лаберия, у нее амбуланс. Разные траектории полета.

После кофе с действительно необыкновенно вкусными плюшками Вирина отправила Асху к Демей в помощь, а сама открыла контейнер с образцами. Демей выходил в атмосферу, что-то заподозрил в мерцающей в свете звезд пыли, собрал ее и принес Вирина.

И вот Вирина сидела у приборов. И в то что она увидела поверить было нельзя. Но оно было - вот оно, не скроешь. В этих мерцающих пылинках таилась жизнь

- Не пойму, Вири. Вроде все обычно, а что-то не так. Глянь, а...

- Жизнь? Жизнь... Ты уверена? И что, это где-то рядом? А, Демей?

Нар обычно сам решал такие задачи, а сейчас был растерян. Он искал новую планету для жизни, как никто - и не для себя. В "доме новых", а именно так называли место, где выращивали новых жителей несчастной Земли у него жила дочь. Она росла вразрез всем правилам - и тому, что космам не разрешалось продолжать род (уж больно велика была вероятность рождения уродцев, постоянная радиация и воздействие космических лучей меняло ДНК-коды и медсины ничего не могли с этим сделать), и тому, что дети, рожденные больными утилизируются. Что спасло Кару - маленькую горбунию со светлым лицом и глазами ангела, не знал никто, но девочка жила, училась на медсина, и ее даже иногда отпускали к отцу. Мать Кары никто не знал, ходили слухи, что она была не одобренной высшими, а еще ходили слухи, что после рождения дочери ее вышвырнули в атмосферу с кослета. Но это были лишь слухи, Вирина знала лишь то, что Нар надеется отправить дочь на живую планету, и жизнь посвятил ее поиску.

- Сложный вопрос, Нар. Эти элементы могли попасть в нашу атмосферу откуда угодно. Но ты же знаешь - рядом с нами нет таких планет. И ты знаешь - надежда только на Эльтар.

Нар опустил голову, сжал ладонями виски.

- Эльтар. Эльтар это год полета. Год туда, год обратно. Да и надежды мало. А вдруг это рядом? Мы даже не искали здесь. В голову такое не приходило. Ядовитая атмосфера вокруг земли должна была убить все живое на миллиарды миль. Откуда в пыли это.

Нар сейчас был похож на растерянного ребенка, и даже близко не напоминал уверенного начальника Космона, которым был еще полчаса назад. Ким подошел, взял в руки отчет Вирина, пробежал глазами почти по диагонали. Казалось, что он не читает, а так, просто любопытствует, но все знали его способность впитывать любой текст враз, как губка.

- Экстермофилы. Круто, круто. Наводишь тень, Вирина, панспермия не в ходу сейчас.

Вирина вырвала у поганого Кима карточку с отчетом, бросила сквозь зубы.

- Там тихходки, Ким. Их нет давно в биосфере Земли, да и биосферы никакой нет. Даже если предположить, что они где-нибудь в кислотных ямах, так они не пройдут колпак. Ты или неуч, или делаешь это специально.

Круглые глаза Кима сузились зло, но он промолчал. Хотел сплюнуть сквозь зубы, но сдержался хмыкнул.

- О тихоходках никто не слышал сто лет. А твой срез похож на срез обычной каменной губки, с необычным вкраплением, зато фантазия у тебя отличная. Ладно. Разберутся на базе.

- Вот и не знаю, Вири. Стоит тебе рушить годами созданный проект с Эльтаром? Столько в него вломлено, столько теорий, столько надежд. И тут ты со своими червяками. Будет скандал, тебе вообще могут отозвать из команды. Ты вообще понимаешь, что ты хочешь сообщить высшим? Что вся эта лабуда с перемещением на Эльтар полная ерунда. Что мертвая атмосфера - тоже. И что совсем рядом, в месяце полета есть живая планета. Да тебя размажут!

Мат медленно отхлебывала кофе, прикусывала тонкое, длинное печенье, покрытое сахарной глазурью и выговаривала Вирин. И, похоже, она была права. Своим выпадом на пару с Демеем они рушили не просто теорию, они рушили все. А это было опасно.

- А что делать, Мат Маховик запущен, как теперь скрыть это? Если только Нар!

Мат допила кофе, задумчиво вытщила еще одну печенюшку, но положила ее обратно.

- Не надейся. Первый, кто выскочит с этим - это будет Нар. Он же теперь думает только о Каре - если недалеко есть жилая планета, шанс у девчонки реальный. Он же понимает, что в нашей гнилой атмосфере ей не вытянуть.

Вирин шла после ужина в свой отсек, настроение у нее было отвратительным. Эти чертовы тихоходки, эти крошечные козявки, говорящие о где-то болтающейся планете, окруженной хрустальным воздухом и правда оказались ни к чему. Они рушили идею. По хорошему надо было бы скрыть отчет, но...

Мысли Вирин металась, и она бы, наверное, завязла бы в них как в паутине. Но, проходя мимо амбуланса, в неверном свете уже приглушенных ламп она споткнулась о что-то тяжелое и мягкое. На покрытии лежал Нар. У него был открыт рот, а глаза смотрели в потолок остановившимся взглядом. Вирин бросилась на колени перед космом, но в этот момент кто-то ударил ее по голове, и темнота рухнула, поглотив ее сознание.

Экстремофилы - мельчайшие организмы, встречающиеся космической пыли, в том числе. Они выдерживают экстремальные условия - высокие концентрации солей, кислот, щелочей, низкие и очень высокие температуры.

Панспермия - теория о возможности переноса живых организмов через космическое пространство

Тихоходки - вид раздельнополых микроскопических беспозвоночных, способных выживать в состоянии криптобиоза даже внутри камней.

Глава 12

Наверное, голова лопнула, во всяком случае ощущение было полное - даже что-то горячее у виска - ну точно, вытекал мозг. Вирин аккуратно, стараясь не сильно напрягать мышцы приоткрыла глаза. Сначала она ничего не увидела, муть никак не хотела пропадать, но постепенно, мгла начала рассеиваться. и Вирин увидела знакомый свет. Вернее, не свет - подсветку, ту самую, которую каждый из космов никогда бы не хотел увидеть - янтарный. И вроде оттенок тихий, не тревожный - но было что-то в его гамме такое - от чего стыла кровь. Вирин, невольно застонав, подтянула голову, потрогала висок - он был влажный. И, абсолютно придя в себя, она поняла - она в капсуле. Той самой, в которой никто из них никогда бы не хотел оказаться - в капсуле спасения, последней надежде тех, кто попал в катастрофу.

Поняв это, Вирин немного успокоилась. Полет капсулы был спокойным и мерным, правда, как она в ней оказалась, она совершенно не помнила - помнила только удар по голове и темноту. Похоже космет потерпел катастрофу, что было совершенно нереальным - в мертвой атмосфере у Земли не было ни врагов ни препятствий, приборы не показывали опасности, вообще - все было совершенно обыденным - все как всегда. Чуть подышав, приводя себя в нужное состояние, Вирин приподнялась, пошарила рукой, стараясь нащупать тумблеры - в капсуле все было максимально просто - с почти механическим управлением, задача этого аппарата была очень простой - вернуть косма на Землю. Управлять можно было только светом, температурой воздуха и питательными тубами - остальное было запрограммировано и влезть в эту программу не мог никто.

Тумблеры Вирин нащупала - легкий и ненавязчивый свет залил пространство - и ужас, который она испытала не имел границ. В капсулах было два полулежащих кресла. Во втором лежал Нар... Его лицо казалось каменным, рот был полуоткрыт, глаза неподвижны. Вирин вспомнила... Именно таким она нашла его у входа в амбуланс... И именно там ее кто-то ударил по голове.

Стараясь не смотреть в ту сторону, Вирин тихонько сползла с кресла, протиснулась в узкий проход, нашарила амбулу. Этот небольшой контейнер должен был содержать нужные препараты, во всяком случае силикон для ран там был точно. Вытащив контейнер на свет, она достала оттуда небольшое зеркало (сто лет не пользовалась такой штукой, уже давно зеркала возникали из воздуха, просто как отражение тебя) поймала свет, с ужасом посмотрела на висок. Но, в общем, ничего страшного, рана была неглубокой, правда устрашающе сочилась. Еще подышав, Вирин выстрелила себе в бедро из струйного шприца - не помешало ей и обезболивающее и успокоительное, промыла рану из крошечного дезинфектанта, мимоходом подумав, что на двоих бы и не хватило, залила ее силиконом, и потихоньку побрела к дисплею. Ходить в капсуле в полный рост было невозможно, приходилось перебираться практически на четвереньках, но выбрать не приходилось - ползла.

А дисплей был мертв... Вирин точно знала, сколько их тренировали полетам в этих капсулах - картинка должна была быть. Изменить в программу было невозможно, а наблюдать за ее выполнением - пожалуйста. Космы могли наблюдать за траекторией полета, за концентрацией кислорода, за орбитой, за приближением к Земле. Это успокаивало их и внушало надежду....А тут... Вирин безнадежно поводила руками вокруг. Потом сплюнула - видно удар ей достался приличный - она забыла, что ничего не может сделать. Беспомощно поглазев в черноту, она вдруг почувствовала предательскую влагу у глаз, застыдилась сама себя, и поползла назад. Вот только возвращаться в кресло ей совсем не хотелось... Пробравшись в крошечный отсек, в котором хранились тубы с пищей, она легла прямо на пол, подтянула колени к груди, закрыла глаза.

Ей вдруг захотелось завывать... Прямо громко, во весь голос - она слышала однажды, как воеет какой-то зверь в зоосаду... Отчаянно, безнадежно, тоскливо... Но смогла только заскулить тихонько... А потом вдруг уснула. Да так крепко, как не спала, наверное, уже много лет...

- Не бойся. Смерть не страшна. Она просто переместит тебя из одного измерения в другое, поднимет, как будто на ласковом облачке, ты и не почувствуешь ничего...

Вирин подняла голову. В свете оранжевого пятаяка она профиль молодой женщины - худенькой, нежной, точно такой, которой она была на фотографии, только без той чудной шляпки.

- А ты кто? Я тебя видела... Кто ты?

Женщина повернулась лицом... Она улыбалась, у нее были такие светлые глаза, что казалось, что они несли в себе небо. Не то, которое Вирин видела на Земле - серое полотно купола - а то, которое она вдруг увидела на Зинде...

- Я? Я - ты... Только ты этого пока не знаешь...

Вирин хотела встать, подойти у женщине, но не смогла, тело у нее было свинцовым, веки налиты ледяной водой. Наверное, так действовал укол... Наверное, она не рассчитала дозу... И она не почувствовала, что капсула потеряла управление. Что ее сначала затрясло, потом она вдруг увеличила скорость и ее вытянутое сверкающее тело пронзило пространство, как самая последняя и самая мощная искра затухающего костра пронзает ночь.

Глава 13

Вирин, вроде и не спала, сознание не теряла - голова соображала, хотя и плохо. У нее было ощущение, что на нее положили что-то непомерно тяжелое, что-то похожее на свинцовую плиту. Вот только свинцовая плита была не твердая, а мягкая, как будто резиновая, или что-там за материал, который обволакивает препятствие со всех сторон, вот и тело Вирин оказалось таким препятствием. И эта тягучая тяжесть залепила ее всю, придавила, даже веки залила, и их поднять было невозможно... Перед глазами мелькали вспышки, напоминающие полосы под неподъемными веками, и резали еще сильнее.

“Перегрузка” - мысли Вирин тоже были похожи на эти сверкающие полосы - “Значит, плотные слои... Неужели получилось... Спасена...”. Вирин, насколько могла преодолеть эту страшную силу, вытянулась, с трудом дотянулась до рычага кресла, или ей показалось, что дотянулась - она хорошо помнила, что легла на пол, не дотянув до кресла. Но рычаг оказался под онемелыми пальцами, она из последних сил толкнула его, кресло опрокинуло Вирин так, что она легла навзничь, и последнее, что она помнила - что горло сначала сдавил ворот планирующего костюма, а потом чуть расслабился, давая вздохнуть. И все пропало - даже радужные линии...

Было слишком тепло... Горячо было, Вирин никогда не испытывала такого тепла. Что случилось - в реаниме, что ли климат-контроль сбоил, или у нее что-то с терморегуляцией? Вирин хорошо помнила по тренировкам, что в реаниме температура очень низкая, так медсины выравнивают биотоки пострадавшего косма, которого держат практически в летаргии. А тут...

Вирин стало страшно. Или что-то случилось и медсины по какой-то причине оставили ее без присмотра, а в это время произошел сбой, или у нее такой жар, что приборы не могут выровнять температуру, то ли что-то еще. Но вот это третье вообще не приходило в голову, его просто не существовало, во всяком случае она о таком не знала. Кое-как справившись с тяжелой головой и свинцовыми веками, Вирин приоткрыла глаза. Сейчас она должна была увидеть прозрачный купол реанимы, множество всяких трубок, проникающих в ее тело, но... Она увидела что-то очень странное. Над ее головой было что-то похожее на валики. Ровные, красивого янтарного цвета, в которых прятались непонятные лучи. Вернее, не лучи, это были лучики - как будто тонкий луч от лазера разрежали на мелкие кусочки, покрасили их в желтый цвет и выпустили на волю. Валики были схвачены какими-то мощными штуками такого же янтарного цвета, только с квадратным сечением. И по этим штукам вились гирлянды листьев - такие Вирин помнила. Во-первых она их встречала в папирах, а во вторых ими были украшены площадки перед их жильем на Земле. Правда, пластиковыми, не живыми, но и здесь они были не живые, вырезанные чем-то острым.

Вирин почему-то жутко испугалась. Она вообще не понимала что с ней. Так -то ясно - это бред. Сильный жар, кислородное голодание, наверняка микроинсульт, а может и не один, смещение органов - последствия такой перегрузки, которую она перенесла могли быть и не такими, главное, она в сознании. Но почему не купировали? Это делалось в момент, технологии медсины позволяли в пару часов вернуть косма к жизни. А тут...

Вирин, застонав, кое-как повернула голову, чуть не свернув себе шею. Справившись с приступом тошноты и мутью перед глазами, она попыталась встать, но не вышло - сознание поехало, и последнее, что она увидела - странное жерло в ярко-белой стене, с одной стороны которого болталась ткань. И эта ткань тоже было чудной, в чем-то очень приятном - такое она тоже видела - нежно- синего цвета, как будто испускающее аромат.

... Голос доносился откуда-то издалека. Вирин снова выныривала из черно-свинцового тяжелого небытия, ее качало на его волнах, то опуская низко, то поднимая высоко. На губах была какая-то душистая влага - пахло совершенно непонятно - такого она никогда не ощущала.

- Тише, тише. Вот ты озорница беспокойная. Разве можно сразу шеволиться, надо звать. Ну, глотай уж, бедненькая. Это настой.

Веки поднимались уже легче. Вирин открыла глаза, ей так хотелось застонать, да громко, в голос. Но это космам не позволяли, позорно это было и она сдержалась. А над ней стояла девочка... И от ее вида Вирин снова чуть не потеряла сознание.

- Ну вот...Еще глоточек. И еще... Вот выпьешь все, здоровенькой станешь, мы с тобой по грибы пойдем. Братик мой знаешь, как грибки уважает, да со сметанкою. Ну...допивай...

Вирин с удовольствием глотнула из ложки - напиток был прохладным, пах свежо и нежно, и его сладость ни на что не была похожа...

- Умница...Зверобойчик с медком не таких поднимал. Тебя звать-то как?

Вирин попыталась раскрыть рот, и у нее получилось. Хрипло, мучительно извлекая звуки из жутко саднящего горла она простонала.

- Вири...

Девочка кивнула, обтерла рот Вирин чем-то мягким, улыбнулась ласково.

- Ну вот... Виринея...Виринеюшка... А я Любава. Кто же тебя, Виринеюшка бедная в лесу нагую-то бросил? Вот ведь нелюдь...

Глава 14

Вирин надо было осознать... Принять... Если этого не сделать, то легко сойти с ума, дисков у нее теперь не было, медсины далеко - а от такого психика могла сломаться запросто. Девочка ушла, велев Вирин лежать и не "баловать", и сейчас, закрыв глаза Вирин обдумывала. От вида девочки и правда можно было потерять сознание - Любава, или как ее, выглядела совершенно не реально. У Вирин тоже были длинные волосы, но таких она никогда не видела - светлые, как будто их составили из золотой пряжи, заплетенные в толстый жгут, увитый шнурком с подвешенными на нем круглыми блестящими штучками, и такой же шнурок стягивал чистый, белоснежный лоб. Жгут доходил почти до коленей, он болтался тяжело и полновесно, и Любава все время откидывала его на спину, чуть сердито сводя тонкие ровные бровки. Сейчас, когда Вирин немного успокоила свое сознание, она вспомнила. В папирах таких людей она не встречала, видимо эти бумаги начали создавать позже, но были грайвы. К ним почти никого не допускали, а вот Вирин раз была в запасниках, ее работа требовала ознакомления с историей. Грайвы напоминали фотографии, но их делали руками, с помощью каких-то инструментов, и смотреть на них было очень интересно. Хотелось коснуться их странной поверхности, проскользнуть кончиками пальцев по выпуклым мазкам, но космам строго запрещалось это, в запасники пускали только в специальных костюмах, масках и перчатках. И вот на этих грайвах Вирин видела таких людей. Женщин в чудных нарядах, мужчин...

И вдруг ее больно кольнуло в грудь, даже сердце захолонуло... Прошрое. Она попала в прошрое... Каким- то образом капсула попала во временную шахту и она рухнула - попал сюда... Додумать Вирин не успела... Заскрипело что-то, кто-то тяжело потоптался, ухнул странно, заворчал.

- Ну вот... Дверь смазать бы, говорил этой козе принеси масло от Ефима. А ей только хиханьки...

Голос был мужской, басовитый, так у них никто из мужчин уже не разговаривал - голоса выравнивались постепенно - женский, детский, мужской сразу и не поймешь. Вирин почему-то снова плотно прикрыла глаза, как будто боялась, что ее уличат в подглядывании, замерла... И тот ее руки коснулась теплая тяжелая ладонь

- Как ты, девочка. Получше?

Вирин вздрогнула, резко открыла глаза, инстинктивно натянув толстое одеяло до подбородка. Над ней, улыбаясь ласково стоял человек. Трудно было сразу определить возраст, но он был явно не стар, небольшая бородка чуть прибавляла ему возраста, но светло-серые глаза с зеленоватым отливом молодо искрились. Вирин еще выше подтащила одеяло, как будто хотела натянуть его на голову, еле разлепила стянувшие от страха рот губы.

- Получше. Я где?

Человек выпрямился и стало видно, как он велик. Ростом, наверное с две Вирин, плечи в размах, да сильные, мощные, красивая голова, слегка волнистые русые волосы, прямой ровный нос. И взгляд - ласковый, вернее, ласкающий, как будто он знал Вирин много лет, потерял, и вот, наконец, встретил...

- Ну воот. А сестрица - егоза не говорила тебе. Так у нас, в нашем дому. Я Захар, Кузнецовы мы. Слыхала?

Вирин быстро помотала головой, у нее шумело в ушах, подташнивало, и она совершенно не знала, как себя вести. Захар снова наклонился над ней, и вдруг губами коснулся ее лба. Вирин замерла, потом попыталась отодвинуться, но головокружение совсем захлестнуло ее волной, и она закрыла глаза

- Да жар ведь, Виринеюшка. Надо бабок бы звать, не сладим мы. Где эта шлындра?

Захар пошел к двери, и плывущей в белесой жаркой мгле Вирин она показался зверем - большим, мощным, она забыла его название, он часто попадался в сюжетах грайвов...

- Давай, Виринеюшка, держись за шею-то. Я тебя подыму, корытце подсуну. Ты не стесняйся, что уж тут, никому огневица эта не на пользу. Давай...

Вирин приподнялась, холодные края емкости коснулись ее бедер. И такое странное чувство, совершенно незнакомое просто хлынуло откуда-то изнутри, подожгло щеки. Любавка что-то делала там, дождалась, чего хотела, выдернула емкость, сделала такое, что Вирин от ужаса совсем сжалась.

- Ну вот. Теперь чистенькая ты. Не журишь, сейчас я тебе помогаю, надо будет - ты мне. Давай еще раз встанем, я тебе рубашечку надену. Скоро Ефросинья явится, а с ней шутки плохи.

Вирин уже не сопротивлялась. Любавка ловко и цепко ухватила ее за плечи, заставила сесть, натянула через голову что-то теплое и мягкое, потом пальчиками пошарила у шеи, поправив ткань.

- А огневица у тебя, Виринеюшка. Прямо горишь. Мои травки и не помогают, ну а то - по снегу ползла-то. Да голышом. Ты хоть помнишь откуда?

Вирин сама попыталась привстать, у нее получилось - подтянула тяжелое тело повыше, поправила задрвшуюся ткань..

- Что это, Любава? На мне?

Любавка смешно выпучила красивые глаза, сделав бровки домиком.

- Ну точно, жар большой. Как что, девка? Рубаха это. Вот беда, так беда... Ну, ничего, братик за бабкой на санях поехал, быстро домчит. Она тут - за холмом живет.

Глава 15

- Кажи находку свою, что там за чуда-юда? С неба свалилась, чую, наши девки по снегу голышом не бегают. А, Захарка? Тебе суженую, небось, Боженька послал, а то все во вдовцах кулюкаешь, так и бобылем недолго стать. Ну, ладно, не супонься.

Вирин приоткрыла глаза - ей, как будто стало еще хуже, силы таяли, она не могла уже и руку поднять - напротив в туманной белесой мути стояла жуткая женщина. В их мире не было таких, а может быть она просто таких не видела, увозили их за горы, больше они не возвращались. Темное лицо, как будто его сделали из скомканной бумаги, вислый нос, глаза, почти полностью спрятавшиеся под дряблыми веками, на голове незнакомая штука, похожая на кусок ткани, намотанный плотно, до бровей. Во рту женщина что-то держала и это дымило.

- Вот она, тетя Шукар. Встать не может, слабая.

Любавка так быстро и так угодливо подскочила к женщине, что Вирин даже попыталась улыбнуться, но рот, как будто одеревенел, губы не двигались. А эта Шукар подошла так близко, что от нее пахло резко, да так незнакомо, что у Вирин защипало в носу.

- Ага, ага. Вижу. Не жилица. Зовут-то как?

Любавка метнулась к столу, что-то там пошуршала, потом вернулась с чем-то круглым в руках, но этого Вирин уже не могла рассмотреть - в глазах сгустилась белесая путь, потом ее тело стало странно тяжелым, начало проваливаться куда-то вниз, и все почернело.

...

- Вирин... Ты должна вернуться. Это временная яма, если ты не попытаешься выбраться, останешься там навсегда.

Демей смотрел на Вирин своими ласковыми глазами, чуть ухмылялся, и она вдруг поняла, кого ей напомнил Захар. Его. Демей. Только Захар был больше, стройнее, так, наверное бывает, когда при размножении деление происходит неправильно. И один плод становится ущербнее второго. У них были такие случаи, о них старались не особо вспоминать, всегда выбирали один - второго куда-то отправляли, но никто не знал куда. Но это был явно не тот случай - Демей был жив, умен и успешен. Ну, может быть не так красив.

- О чем ты говоришь, Дем. Я встать не могу. Не то что куда-то выбраться.

Вирин, вроде говорила громко, но голос ее был не слышен, вокруг Демей сгущалась темнота, а потом в нос просто ворвался запах. Вирин не могла даже словами передать чем это пахло. Запах был терпок, горек, жгуч, и одновременно сладок - он бередил что-то внутри, заливал кожу, и через мгновение Вирин почувствовала, что тонет в этом запахе, вот-вот перестанет дышать. Она задержала дыхание, чтобы нырнуть поглубже, а потом вырваться на поверхность, но вдруг дышать стало легче, чистый воздух ворвался в легкие и расправил их.

- Ну вот... Уже лучше. Давать будешь, коза, по светилам - с восходом, в зените, на закате и на Луну высокую, тут как сама почувешь, не важно. По половине чашки - и точно, чтобы. А я вдругорядь в середу приду, зелье другое будет.

Вирин и вправду вынырнула - она снова была здесь, в этой комнате, с этими людьми. Зрение немного прояснилось, она уже могла как следует разглядеть гостью, но та, пыхнув своей штукой во рту скрылась в дверях. А Любавка наклонилась, близко-близко взглянула, промокнула губы чем-то похожим на дезинфицирующую салфетку - влажную и мягкую. Вирин не удержалась, облизала губы - они имели вкус того запаха, если, конечно, можно так сказать. Чуть солоноваты, сладковаты и терпки.

- Ой, Виринеюшка, очунулась. Тетка Шукар ведьмака, конечно, но столько народу с того света вывела. И тебя, даст Бог, полечит. Вон, глазки уже светлые.

Вирин попыталась поднять руку и у нее получилось. Оно потрогала губы - они были липкими, и от этого вкуса у нее странно тревожно екало в груди.

- Сейчас еще помою. А потом молочка налью, надо выпить немного - старуха сказала. А ты ручкой не три, зелье она на крови варит, уж не знаю где берет.

Вирин послушно убрала руку. У нее что-то происходило с сознанием - оно туманилось там, вдали - там, где она настоящая. Все это - кошмар, ее падение, как будто стало закрываться пеленой. А все что происходило здесь, в этом доме становилось ясным и четким.

- Захар, глянь - старуха помогла, вроде. Виринея даже ручку подняла, глядишь так и встанет. А я радая такая, мне ж помощница будет. Правда, Виринея? Ты же не уйдешь?

Любавка унеслась куда-то в сторону того жерла на белой стене, дернула за ткань - оттуда несло теплым сухим воздухом. И Вирин это тепло вдруг показалось таким приятным, что она снова подняла руку, выставив ладонь, как будто ловила это тепло. А Захар, устало сбросив с плеч какую-то мохнатую одежду, вроде в папирах ее называли шубой, вдруг озорно подмигнул ей.

- А мы ее не пустим. Вон какая красotka, куда ж ей идти.

Глава 16

- Ну, Ринушка, еще шажочек. Ну куда же эта Любавка - поганка запропастилась, с обеда нет, я аж взопрел.

Вирин (а она уже начала забывать свое имя, прошел месяц, как один день - все Виринея да Рина, как не привыкнуть) очень стеснялась. Это чувство у нее появилось недавно, в голову не приходило раньше, что можно вот так заливаться жаром от прикосновения или взгляда, а тут... Она крепче вцепилась в мощную ладонь Захара, упрямо скинула его вторую руку, которой он пытался поддержать за талию (не надо, я сама) и сделала еще шаг. Сегодня ее целью было дойти до стола, и половину пути она уже осилила, осталось немного.

- Захар, а может я сама?

Захар крикнул, вытер лоб рукавом рубахи (теперь Вирин знала, как называется это просторная одежда), выпрямился, но руку Вирин не отпустил. Наоборот, стиснул ее ладонь сильнее, потом испугался, что слишком, отпустил, и почти застонал

- Нет, ну вот же пакостница. Оставила меня в няньках. Ринушка, давай пойдем назад, боюсь я. Мало ли чего.

Но Виринея упрямо сделала еще шаг, потом неожиданно вырвала руку у мужчины (здесь называли их мужиками - это было грубо, но коротко, и Виринея, почему-то, нравилось) и быстро-быстро, крошечными шажками добежала до стола. Плюхнулась на стул, победно глянула на обомлевшего мужика, хихикнула. Захар одним прыжком оказался у стола, сел, потом вскочил, налил из глечика отвар, который приносила старуха, налил Виринею, а потом и себе.

- Чуть не помер. Думал, упадешь. Вот озорница-то, чтобы я Любавке сказал.

Но ответить Виринея не успела, в дверь вместе с потоками холодного воздуха ворвалась Любавка, а с ней странная девушка - высокая, очень худая, и со смуглой, почти как у Мати кожей.

- О! Справились. Ну не хмурься, Захарка, задержалась чуть-чуть. Сонакай мне юбку кроила, хочу широкую, как у них. Вы отвар пили?

Захар встал, в сердцах шлепнул сестру по заднице, напялили тулуп (теперь Виринея знала и это слово) выскочил за дверь. А Любавка махом шваркнула противень с подошедшими пирогами в печь, потрогала чайник с кипятком, удовлетворенно кивнула, показала девушке на стол, мотнув головой так, что коса описала круг, и улеглась ей на плечо.

- Садись, Сонька. Скоро пироги будут, чай будем гонять...

Виринея чувствовала, что устала. Она не знала, как теперь добраться до кровати, но Любавка поняла, мигнула Сонакай, и они вдвоем, подхватив Виринею под руки дотащили ее до кровати, усадили, подоткнув подушку, укутали ноги одеялом.

- Ничего...отдохнешь, я тебе пирожок дам. Слопаем все, а то Захарка носом крутить начнет, его женка лучше пекла. Да шучу, никогда не скажет, хоть и правда - лучше. А завтра до окошка с тобой пойдем. В окошко будем смотреть - там сегодня такой морозяка.

Виринея слушала эти слова, они были, вроде и на ее языке, а как будто на чужом. Пирожки эти, мороз, метель, печка. Она когда-то читала эти слова при изучении истории, но они как влетели, так и вылетели, а вот теперь пригодились Чуть откинувшись назад, Виринея чуть задремала от усталости, но ее разбудил такой вкусный запах, что потекли слюнки. Перед ней, в мисочке лежал этот самый пирожок. Кругленький, румяный, пышущий жаром. Любавка и гостья уже вовсю пили чай, Виринея взяла пирожок, подула на него, прикусила

- Что? Вкусно? Сестрица моя мастерица. Поправишься - тоже будешь печь, посмотрим кто лучше.

Захар улыбался, от него пахло холодом и чем-то еще - свежим, чистым, ярким. А на волосах что-то блестело - капельки воды. Виринея протянула руку, стряхнула воду, и снова ее окатило жаром - стыдно.

- Это от снега, Ринушка. Там поднялась такая метель... А это тебе...

Захар полез в карман, вытащил что-то в хрустящей обертке, сунул в руку Виринее. Вирин почему-то испугалась. это было на какой-то палочке и шуршало - непривычно.

- Да что ты, Бог с тобой. Это же петушок. Сладкий. Чего испугалась?

...

Уже темнело, когда девчонки наболтались, наелись и гостя собралась домой. Но перед уходом Сона подошла к кровати Виринеи, наклонилась, помолчала, потом коснулась ее волос.

- Другая ты какая-то. А давай я тебе погадаю. Завтра карты принесу...

Глава 17

- Любав, я не знаю, как это надевать! Что куда?

Виринея стояла у кровати, твердо решив, что больше валяться она не будет. Хватит. Все эти зелья, как называла их старуха, видимо делали свое дело, да еще не хуже, чем диски. Уже не было такой дикой слабости, уже можно было держать спину, а не валиться на подушки, лишаясь сил от короткой нагрузки. Уже она сама вставала, делала пять коротких шагов до стола, цеплялась за его мощную, гладкую столешницу, а потом ходила вокруг. Медленно, на трясущихся ногах, но ходила, наращивала темп, если это ползание можно было так назвать, увеличивала время. В ее сознании странно все перемешалось. Она помнила Землю, она тосковала по своим космам... Но она страшно не хотела возвращения. Что эти зелья сделали с ней, Вирин не знала, но этот мир, который теперь неожиданно стал ее миром, ей нравился. Он вливался в ее кровь - запахом свежего хлеба, он, оказывается называется "каравай", вкусом парного молока (она даже не знала, что бывает такое, да еще "от коровки только", как смеялась Любавка, что там за коровка, из которой девушка приносила целое ведро молока, гибко клонясь от тяжести, Вирин не спрашивала, боясь себя выдать), незнакомым оранжево красным огнем, по вечерам пылающим за занавесками, плотно прикрывающим окна. Он ласкал ее горячим жаром от печи (смешное название белоснежно-голубоватого сооружения со страшным огненным жерлом, которое так напугало ее в первый день), вкусным паром "картохи", плотной нежной сладостью десерта с ягодками ("Киселя дай Виринеюшке, бестолковка, чего только мне набуздонила" - весело кричал Захар, брал своими огромными ладонями кружку, нес ее Вирин, ставил рядом на табуреточку, смотрел...). А еще этот неизвестный, затерянный в веках мир ласкал ее взглядом Захара - прозрачным, нежным и еще каким-то, его описать Вирин не смогла бы, но от этого взгляда у нее непривычно и сладко замирало сердце.

- Как это не знаешь? А в чем ты ходила то? У вас что, платья, юбки другие были?

Любавка смотрела строго, но глаза ее смеялись. Виринея уже знала, что вот эти складчатые чехлы, сделанные из красивой, украшенной растительными орнаментами ткани назывались юбками. Но зачем их так много, и как это все надевать.

- Нет, Любань. Я просто забыла, память у меня чудная стала, помню не все. Покажи, а?

Любавка хмыкнула, улыбнулась, и от этой улыбки на ее упругих щеках заиграли ямочки.

- Ну гляди. Акулина такая же была телом, справнее только. Но мы зашьем с тобой, коли что не так, машинка есть у меня. А потом новое сошьем, не век же ты носить будешь с покойницы.

Виринея ничего не поняла, но послушно подняла руки, чтобы Любавка смогла надеть на нее юбку.

- Ну вот, гляди-ко. Почти влитая. И оборки, как надо, вы росточком один в один с ней. Давай еще руки тяни.

Виринея послушно снова подняла руки, Любавка бросила на нее еще одну - более плотную, яркую, как будто пронизанную светом

- Нарядная... Акуля сама ее гарусом расшивала, да стеклярусом. Стой, держись за спинку-то.

Виринея с ухватилась за спинку, Любавка с силой затянула ее в талии, но потом отпустила.

- Не буду сильно-то, задохнешься. Вот ты, как стрекоза - чуть стяни, переломишься. Ну вот... Красота... Ты, Виринейка, девка или баба?

Виринея вопроса не поняла. Она приподняла подол, чтобы сунуть ноги в обрезанные войлочные сапожки, потом присела на кровать, передохнуть.

- Не поняла, Любань. В смысле?

Любавка чуть порозовела, хихикнула, присела рядом.

- Ну мужик у тебя есть? Муж?

Виринея откинулась на подушку. устало прикрыла глаза. Ей надо было всего пару минут посидеть, и усталость отступала.

- Мужчина, в смысле? Был. А зачем тебе это?

Любавка всплеснула рукам, хлопнула себя по бокам.

- Ну вот тебе! Зачем! Так волосья как подбирать будем - в косицу или шлычку надо искать. Коли баба - шлычку надо. Пойду, гляну, в сундуке была.

Любава убежала с такой скоростью, что по комнате промчался ветер. А Виринея закрутила жгут волос в узел, плотно завязала концы, так, чтобы он не развалился, встала и потихоньку пошла к окну. Она ни разу еще не добиралась до окна, все сил не хватало, а вот сегодня она просто чувствовала себя молодцом. Уцепившись одной рукой в прохладное дерево шкафа, стоявшего рядом, она отдернула занавес и... отшатнулась.

За окном было бело... Что это - она не понимала, вернее она видела в папирах такое - но картинки были мутными, и этот белый свет она принимала за муть. А тут. Белое было внизу, белое наверху, и белые искры сияли в черном воздухе. Свет от лампы стоявшей на столе, отражался в стекле, поджигал эти искры, и они сверкали отраженным светом, как будто горели пламенем. Любавка вбежала, держа что-то красивое в руках, остановилась рядом, обняла Виринею за талию, поддерживая.

- Что это, Любань?

Любавка охнула, глянула на Виринею, сообщила.

- Так метель же. Ты что, метели не видала?

Глава 18

- Глянь. Ну иди сюда же...

Любавка теребила Виринею, подталкивала. Там, за печкой стоял огромный шкаф, а на нем висело мутное стекло. Виринея, чуть проскальзывая непривычной обувью по натертым доскам пола, цеплялась за Любавку, еще боялась упасть. Но ноги ее держали уже увереннее, и до стекла они добрались без приключений.

- Вот, вишь. Говорила Захарке, чтоб на чуньки тебе подошовку пришил, а то ляпнешься на полу, косточки не соберешь. А он - красоту нарушим. Вот и правда нарушим, коль не пришьет.

Они остановились у стекла и Виринея увидела отражение. Оно было расплывчатым, как будто на это стекло плеснули водой - но она поняла его назначение - это зеркало. Или что-то выполняющее его роль, отражение было плоским и опрокинутым, как будто кто-то в шутку поменял левую и правую сторону ее тела местами.

- Это что, Любав? Зерцало?

Любавка глянула на нее, она то ли не поняла, то ли не расслышала, поставила Виринею ровно, шлепнула ладошкой по плечу.

- Зерцало это. Ну что же с памятью твоей делать будем, Ведь все забыла. Надо бабку звать, пусть новое зелье сварит.

Вирин вглядывалась в свое отражение. Она никак не могла приноровиться - это не то что было в их зеркалах, отражение объемное, 3д, да еще сразу можно было разглядеть себя со всех сторон. А тут - плоская, как будто нарисованная на этом стекле, чудная. Женщина в отражении была совсем незнакомой. очень худой, бледной, но с красивым правильным лицом и очень зелеными глазами. И зелень эта была какая-то отчаянная, глаза аж светились зеленым светом. Волосы туго стянуты на затылке, да так, что даже глаза чуть повело, а на лбу выбивался смешной завиток. И одежда очень красила эту женщину - плотно застегнутая на все пуговицы блузка подчеркивала и одновременно скрывала, то что на Земле не прятали уже давно. А юбка колыхалась от каждого движения, и от того, что юбок было две, а нижняя вся в плотно подогнанных складках, бедра казались пышными, таких у Вирин и не было в жизни.

- Это, как будто не я. Любав, как жить мне, если я себя не узнаю.

Любавка тоже отразилась в зеркале, обняла Виринею за плечи, потом чуть потянувшись на носочках, странно ткнулась зачем-то губами в щеку.

- На Акульку как похожа... Как та из гроба встала.

Виринея не совсем поняла слова Любавки, а та спохватилась, похлопала звонко себя ладошкой по рту, отошла в сторонку.

- Вспомнишь. Бабка наварит зелья, наговорит - все вспомнишь. И дом свой, и семью свою... Но ты ведь говорила, что помнишь?

Договорить им не дали, из дверей потянуло свежестью и холодом, зашел Захар. Он сначала не видел женщин, потопал ногами в толстых сапогах по тряпке, стряхивая белую субстанцию (Вирин резко поправила себя - снег) повесил на гвоздь мохнатую шапку, прошел к столу и...замер... Он даже побледнел, да сильно, с синевой почти, сделал два больших шага, разом очутившись рядом.

- Любка! Говорил же, новое все принесу, зачем в сундуках рылась? Неслух.

Бледность постепенно таяла, он прикоснулся пальцами к плечу Виринеи, там где шла тоненькая полоска ажурной ткани, вздохнул.

- Не обижайся, Вирушка. Это вещи моей жены, она умерла. Не надо их носить, примета плохая. Я тебе новые купил - там узелок в сених. Пока мало, но потихоньку прикупим. наладится все.

Он, чуть сторбившись, пошел на вторую половину дома - там Виринея никогда не была, видно они жили там со своей женщиной. И даже не обернулся

- Вирушка. Ой, я тебя тоже буду так звать теперь. И правда, ты не хмурься, это я глупая, не подумала. Сейчас все снимем, новое наденем. Ой. Какая юбка красивая. Бархатная...

Сона молча швыряла бумажные картинки. Виринея уже знала, что они называются картами, и ими предсказывают судьбу. Что такое "судьба" она пока понимала не очень, а на вопрос об этом Сона грозно сдвинула черные брови и цыкнула.

- Не лезь. Помолчи. Не вспугни карты-то. Ишь, раскричалась.

Карты падали на стол тяжело и влажно - шлеп, шлеп... С них смотрели двухголовые люди, но головы у них были и снизу и сверху, и от этого они казались не страшными, а смешными. А Сона, ухватив одну карту, с которой усмеялся темноволосый человек, сунула ее Вирин.

- Глянь. У тебя они прошлое не показывают, ерунду какую-то вижу. Вроде и нет у тебя прошлого никакого, а только будущее. Сколько гадаю, никогда такого не видела - ты что, с неба упала?

Виринея пожала плечами... Она не знала, что ей говорить. она вдруг поняла, что почти ничего не помнит.

- А этот, трэфовый, он все в тебе поменяет, жизнь перевернет. А ты ему всякого прине-сешь, разного.

Сона кинула карты на стол, буркнула.

- Не могу. Не вижу ничего. Виринея, а ты откуда к нам попала-то? Все молчишь. Никто не спрашивает тебя. а ты, может, ведьма?

Любавка прыгнула козой, села между Виринеей и Соной, отшвырнула карты.

- Вот ты дура. Сама ведьма. Иди домой, раскудахталась тут. Без тебя разберемся.

Виринея молчала. Она пыталась хоть что-то выудить из своей памяти, но помнила только темный лес и жуткий холод. И больше ничего. Не помогло старухино зелье. Или, наоборот-сделало свое дело.

Глава 19

Виринея лежала без сна. Уже светало, серый свет проникал сквозь занавески, проявляя все, как будто вычерчивая полу пересохшим фломастером. Она не понимала, что с ней происходит. Еще совсем недавно она помнила. Точно что-то помнила, вот только теперь не знала что. Мелькали в сознании какие-то картины - мертвый воздух, в котором дышалось легко, но не хотелось дышать, мертвые листья больших деревьев, и полное отсутствие неба. Как так может быть она не понимала - небо - оно ведь высокое, торжественное, невероятно прекрасное. И хотя она видела его только через мутноватое окошко, она уже любила его - ничего прекраснее не было в ее жизни. А еще она помнила такое небо. То ли во сне, то ли в бреду - но помнила. Она сидела на камне, смотрела вверх тоже через какое-то стекло, а небо буйствовало над ней яркой синевой, от которой хотелось плакать.

- Ну вот... Зелья нам больше этого не надоть, ты уж вон, по дому бегаешь, как мышь. Другое дам.

Шукар сидела напротив Вирин, смотрела на нее тяжело, как будто пыталась придавить к стулу - взгляд у нее был и каменный и острый - так бывает, наверное. Посидела, отвела взгляд, пошла, замечая подолом еле заметные мусоринки - в доме убиралась уже Виринея, но неуклюже, с трудом ворочая огромным веником, у нее еще болели руки и плечи, да и ноги держали не очень хорошо. Старуха взяла кружку, вытащила из своего мешка темную страшную бутылку, налила.

- На. По пять глотков пить станешь - на рассвете и на закате. Память тебе вернет этот настой, ежевик там. Скажи спасибо остался он у меня с незапамятных времен. Ну и еще кой чего.

Виринея согласно кивнула, она уже привыкла послушно пить все, что ей давала Шукар, да и деваться особо некуда было, не ослушаешься. Старуха вдруг резко развернулась, двумя прыжками оказалась рядом, тронула корявым пальцем непослушную завитушку на лбу Вирин.

- Нет, не на Акульку. Дураки, не видят ничего, слепые все. Ты на сеструху ее родную похожа, одно лицо. Не видала бы, не поверила. А Настька с гонором была, коза настоящая, недаром пропала без вести, черти ее стащили. Может это ты?

Виринея не знала, что ей отвечать. Ее сковало страхом. Зрачки бабкины расширились, становились провалами, и из провалов этих тянуло холодом и смертью. Виринея отшатнулась, да и Шухар пришла в себя, отошла к дверям, сунула ноги в валенки, намотала платок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.